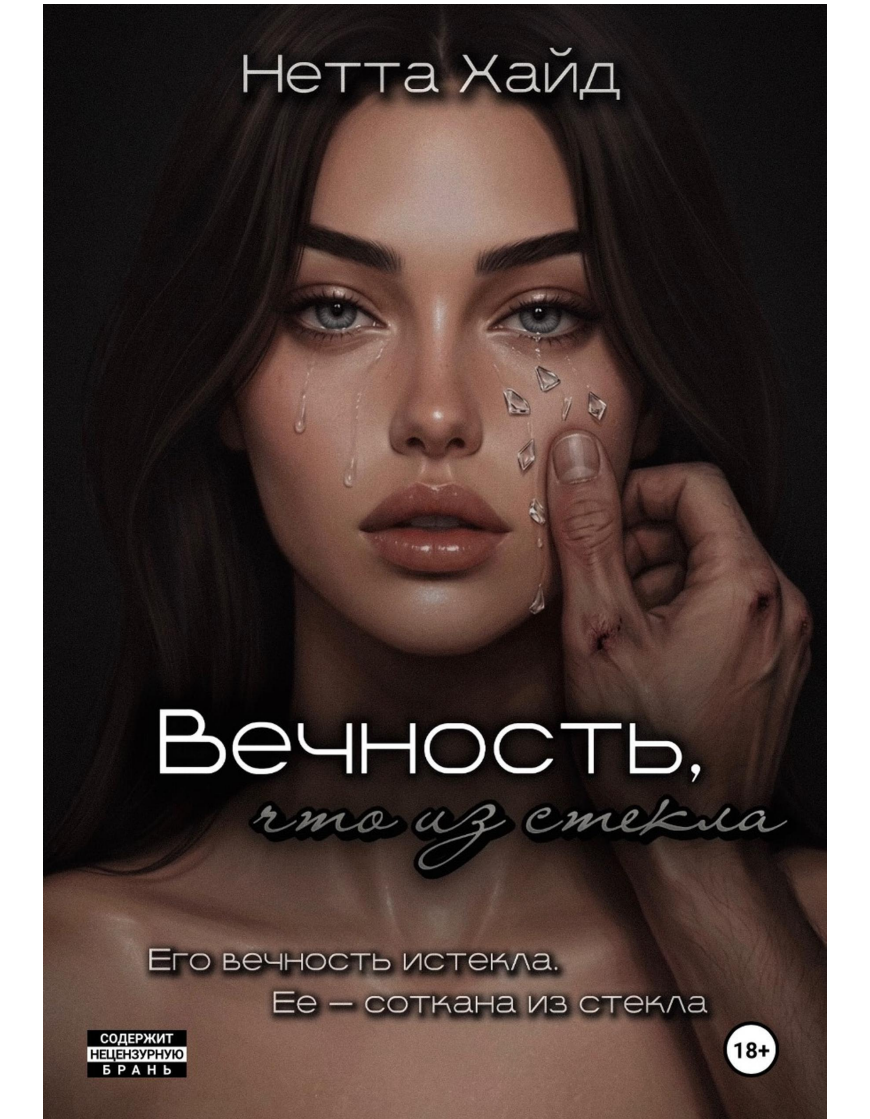

Нетта Хайд

Вечность, *что из стекла*

Его вечность истекла.

Ее — соткана из стекла

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Нетта Хайд

Вечность, что из стекла

<https://litres.ru/73918658>

SelfPub; 2026

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ. ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

«Он пугает ее своим видом. Она раздражает его своей искренностью».

После потери близкого человека Мэддокс похоронил в себе все, что делало его живым. Когда-то он создавал искусство, теперь — выбирает разрушение. Изоляция стала для него спасением, а одиночество — способом не привязываться и не платить за это новой потерей.

Она носит на лице десятки масок, но после слов «стоп, снято» снова становится собой — мягкой, живой, слишком настоящей. И именно это он презирает сильнее всего.

После его первого «нет» она могла бы исчезнуть из его жизни. Но судьба распоряжается иначе: теперь они живут друг напротив друга.

Постепенно ее страх уступает место интересу, а его раздражение сменяется болезненным желанием снова разрешить себе жить.

Но что, если его желание станет точкой отсчета для ее разрушения?

Содержание

Обращение к читателю	5
Предупреждение:	7
Плейлист:	9
Пролог	11
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	18
Глава 1	19
Глава 2	32
Глава 3	43
Глава 4	58
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	75
Глава 1	76
Глава 2	91
Глава 3	105
Глава 4	119
Глава 5	152
Глава 6	166
Глава 7	177
Глава 8	210
Конец ознакомительного фрагмента.	216

Нетта Хайд

Вечность, что из стекла

Обращение к читателю

Эта книга не просто разобьет твое сердце — она вырвет его, заморозит и расколется на кусочки, чтобы потом медленно собрать и разбить снова. Так что... прежде чем начать, ответь на вопрос: готов ли ты добровольно прожить эту боль?

Дорогой читатель, приветствую тебя на страницах книги «Вечность, что из стекла».

Это история о среднем брате Каттанео — Мэддоксе.

Рекомендую читать книги в следующем хронологическом порядке для лучшего погружения (но все мы знаем, что читать будем по парам):

«Следующая цель — твое сердце» (Хантер и Тея)

«Под предлогом ненависти» (Тео и Скарлетт)

«На горизонте — твоя любовь» (Хантер и Тея)

«Вечность, что из стекла»

«Под тенью твоих чувств» (Тео и Скарлетт)

Больше информации о творчестве автора можно найти в тгк. Нетта Хайд (@netta_hyde)

Приятного чтения!

Предупреждение:

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ. ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Так же в тексте присутствуют сцены с описанием употребления алкоголя и табака. Помните, что чрезмерное потребление алкоголя и табака **может нанести вред вашему здоровью!**

События и ситуации в данной истории могут НЕ соответствовать реальной жизни. Некоторые эпизоды созданы в художественных целях и НЕ являются руководством к действию.

Все персонажи и события — вымышленные, и любое совпадение с реальными людьми и реальными ситуациями являются случайностью!

Обращаю ваше внимание, что данная книга содержит сцены, которые могут стать для вас триггерными:

- смерть персонажа (НЕ главные герои);
- жестокое обращение с животными (НЕ главные герои совершают это);
- сцены жестокости и психологического насилия;

- упоминание сексуального насилия;
- кризис психологического состояния.

В этой книге присутствуют «стеклянные» сцены и описаны моменты, которые могут стать причиной ваших слез, непонимания и злости — история соответствует ее названию.

Поэтому, прошу, пожалуйста, если у вас повышенная чувствительность к тяжелым моральным сценам, темам боли, утраты, внутренней борьбы и эмоциональному напряжению, будьте осторожны и бережны к себе.

Делайте паузы, если станет слишком тяжело, и помните, что ваше состояние важнее любой истории.

ВАЖНО!

Если вы чего-то ожидаете от этой истории, учтите, что эти ожидания могут разбиться о реальность. Поэтому нежно рекомендую сначала прочитать ознакомительный фрагмент, и только после этого принимать решение о приобретении книги!

Еще одно ВАЖНО! По некоторым сценам из книги есть визуализация — в определенных главах в конце будет стоять упоминание сцены и место, где ее можно посмотреть. Но смотреть их или нет — это все по вашему искреннему желанию, без моего принуждения.

С любовью, ваш автор Нетта Хайд.

Плейлист:

Tidiet, Jutidy — XXXTENTACION changes (Slowed + Reverb)

Volute — Train Wreck (Speed Up)

Billie Eilish — When the party's over

Måneskin — Coraline

XXXTENTACION — numb

Michl — Kill our way to heaven

The Neighbourhood — A little death

Slander, Dylan Matthew — Love Is Gone Acoustic

James Arthur — Impossible

Tom Bailey — Another Love

Chris Grey — My everything

DarkLux — DON'T!

Chris Grey — Bad for you

The Neighbourhood — Flawless

Harris Owens, Michael McQuaid, Kevin Kuh — Blood In The Water

Mae Stephens — Out Of The Shadows From «Until Dawn»

Vintora — where's my love

Chris Grey — Make the angels cry

Chris Grey, Ari Abdul — Death won't do us part

Tommee Profitt, Royal & the Serpent — Pyromania

HEXXENMIND — Another life

DEADLUVE — Losing Control

Alexander Stewart — Halo

*плейлист можно найти в закрепленных сообщениях в тгк автора (@netta_hyde)

Пролог

Любовь. Время. Смерть.

Мы нуждаемся в любви.

Мы сожалеем, что у нас мало времени.

Мы боимся смерти.

(к/ф «Призрачная красота»)

Я облажился...

— Подсудимый...

Судья медленно оглядывает зал и приступает к зачитыванию *важной* информации:

— Следствие установило, что в результате ваших действий, совершенных без должной внимательности, наступила смерть человека.

Я слышал это выражение уже более двадцати раз, только сейчас оно звучит иначе — громче, тяжелее.

Я должен напрячься?

Не могу. Внутри ничего не трансформируется — присутствует лишь глубокая бездна бесчувственности.

Адвокат, которого нашел для меня старший брат в надежде «скосить» срок за совершенное, чуть касается моего рукава — тихий жест, почти незаметный, как будто он пытается сказать «держись».

А я не вижу смысла.

— ...своими преднамеренными действиями вы лишили

этого человека жизни.

И слушать это тоже нет желания.

Пустой взгляд застывает на руках. Тусклые блики той ночи просачиваются в сознание.

Красный цвет. Запах ржавого металла. Влажность и липкость между пальцами.

Кровь. Кровь. Кровь.

Удар. Тяжелое дыхание. Темнота. *Осознание очевидного.*

— Кивни, — голос адвоката взрывается вспышкой, прерывая мои воспоминания. Открываю глаза и едва заметно дергаю головой.

— Последствия вашего поступка неизбежно тяжки. Погибший был человеком со своими надеждами, мечтами и близкими, которым теперь придется жить без него.

Уголок губы невольно дергается от его реплики.

Надежды... мечты...

Звучит очень сомнительно, если речь идет о том, *кого я убил.*

Близкие?

Мои глаза медленно скользят по залу, пока я не ловлю на себе взгляд женщины. В ее руке стиснута пачка сигарет, которые, судя по ее движениям, она спешит вложить в рот.

На ее лице нет ни тени скорби или утраты. Она даже улыбается. *Защитная реакция?* Возможно. Но сочувствие ко мне все еще не приходит. До сих пор тишина внутри.

— Суд не может игнорировать степень вашей вины и

необходимость справедливого наказания, — продолжает судья, перелистывая страницу документа, и, поправив очки, продолжает читать: — Учитывая все представленные факты, доводы защиты и смягчающие обстоятельства, суд приговаривает вас к лишению свободы сроком на семь лет.

Семь лет...

Всего каких-то семь лет.

Что я чувствую, услышав это? *Ничего. Пустота.*

Семь лет. Длинный срок, который я мог бы посвятить не своей жизни, а отчаянной попытке вернуть *ее* назад. Пытаться стереть из памяти *тот день*.

Но, кажется... *даже этого времени мне будет недостаточно.*

Я знаю, что, находясь за решеткой, каждую минуту буду насиловать свой мозг мыслями о прошлом.

Каждый раз, когда закрою глаза, я буду молча умолять *ее* вернуться в мою голову в привычном облике — не в том, какой я видел в последний раз. Я хочу видеть *ее*. Хотя бы во снах... *Как она и обещала.*

— Суд надеется, что это наказание заставит вас осмыслить ценность человеческой жизни. И что этот срок поможет вам осознать содеянное и изменить ваше отношение к поступкам. Приговор вступает в силу немедленно. На этом заседание объявляется закрытым.

Судья решительно поднимает деревянный молоток, и его глухой, оглушительный удар о подставку разносится в воз-

духе.

Он поднимается со своего места и, поправив черную мантию, покидает зал через боковую дверь, предоставляя всем присутствующим время на осмысление услышанного. *На тишину.*

Я продолжаю смотреть перед собой — сквозь людей. Осознаю — пути назад у меня больше нет. Возможностью, которую мне дал брат, я не воспользовался.

Я сделал этот выбор.

И если бы мне предоставили еще один шанс — все бы закончилось точно так же.

Мужчина в полицейской форме делает несколько шагов в мою сторону и легким кивком головы требует подняться с места.

Я беспрекословно выполняю приказ и протягиваю ему обе руки. Мои запястья моментально охватывает холодом звенящих металлических браслетов — мой *роскошный* аксессуар на семь лет.

Полицейский касается моего плеча, сжимает его, слегка подталкивая в сторону выхода. И я, направляясь в свое ограниченное пространством будущее, ловлю на себе нечитаемый взгляд своего брата, Хантера.

Я знаю, что он ожидал другого — и от меня, и от своего знакомого адвоката, и от сегодняшнего дня. Но, увы... *редко когда реальность совпадает с ожиданиями.* А когда человеку что-то нужно — ничто не сможет его остановить.

Что нужно мне? Не сдохнуть в нынешних реалиях. А нахождение за пределами решетки повышает риск лишиться жизни — мое добровольное решение.

Хантер резко выкидывает руку вперед, желая схватить за плечо свою девушку, но та уворачивается и торопливым шагом направляется ко мне.

Тея...

Эта девушка не осведомлена о наличии понятия «границы». Она всегда действует в режиме *«мне плевать на все — я буду делать так, как считаю нужным»*.

— Мэддокс! — кричит Тея, пытаюсь подойти ко мне, но ее жестом руки останавливает полицейский.

Она сначала смотрит на меня, потом на полицейского, и я вижу, как меняется выражение ее лица с взволнованного на резко остервенелое:

— Дайте мне с ним поговорить, черт возьми!

Полицейский, вероятно, взвесив допустимость ее действий, бросает взгляд на меня, затем смотрит на нее и, опустив руку, делает шаг в сторону.

— Мэд... — начинает она, поджимая губы.

Ее ладонь поднимается к моей щеке, подушечки пальцев нежно проходятся по поверхности кожи, словно это прикосновение может помочь мне. *Не может. Не поможет.*

— Я не буду отчитывать тебя, ругаться и говорить, что ты поступил неправильно, — сглотнув, произносит она. — Я хочу, чтобы ты помнил, что тебе есть ради чего жить. Каж-

дый твой поступок и выбор оправдан. В *этой* ситуации ты не мог поступить иначе. Ты сделал *все*, что мог.

Тея прерывается, давая мне время осознать — сейчас она говорит не о причине, по которой мои руки заключены в наручники, а о другом — более глобальном и сильно травмирующем.

— Не позволяй этим ублюдкам сломать тебя окончательно, — продолжает она, держа второй рукой меня за запястье, чуть выше металлического браслета, что вонзается в кожу. — Ты сильный, Мэддокс. **Ты. Сильный.** Я верю в тебя. Я верю, что ты выступишь. Я... я тебя очень люблю.

Ее слова тают в воздухе, и она, немного приподнявшись, невесомо касается губами того места, где недавно лежала ее теплая ладонь.

Ее руки крепко вцепляются в плечи, скользят к моей спине, заключая меня в прощальные объятия.

Ее лицо прячется в моей очерствелой груди.

Но я...

...я не могу ответить ей.

Не только потому, что мои руки скованы, но и потому что внутри слишком глухо и чересчур пусто.

— Мэд... — почти неслышный шепот, полный молчаливого ожидания хоть какой-то реакции с моей стороны. — Пообещай, что ты справишься?

Резкий рывок полицейского безжалостно отрывает меня от нее. Смотрю в вечно уверенные глаза Теи в последний

раз, замечая там лишь упрямую веру. *Веру в того, кто ее не оправдает.*

С момента оглашения приговора отношение к заключенному становится в несколько раз жестче, и теперь меня грубо толкают в спину, заставляя двигаться вперед.

— К стене.

Выполняю просьбу и подхожу к стене. Голова поворачивается в сторону — Тея быстро вытирает влажные щеки и дарит мне поддерживающую улыбку. Хантер смотрит на меня с сожалением, желваки ходят под кожей, и я почти незаметно киваю ему, безмолвно сообщая, что дальше — я сам по себе.

Таким должен быть конец моей истории...

...но тогда я еще не знал, что меня ждет впереди.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

шесть лет назад

Глава 1

МЭДДОКС КАТТАНЕО

Ценим, когда теряем?

Теряем, когда начинаем ценить....

— Давай... еще... Мэддокс! — постанывает Дженни, удобно распластавшись передо мной на кровати. — Ну же! Сильнее! Пробуй еще раз!

— Дженни, ты уверена, что хочешь надеть именно эти туфли сегодня? — спрашиваю я, приподнимая в руке блестящую обувь от какого-то известного дизайнера. — Они меньше твоей ноги на полразмера.

Она приподнимается и, опершись локтями о кровать,

смотрит на меня настроенным на успех взглядом.

— Да, я хочу их надеть, Мэддокс. Мне плевать, что придется ходить со сжатыми пальцами на ногах, — выдыхает она, качая головой. — Потом залеплю каждую мозоль пластырем, но сейчас... сейчас, черт возьми, я должна в них влезть.

— Давай я куплю тебе новые? — предлагаю я, слегка прищурившись.

— Нет, эти туфли мне подарила Талия Барнетт, и сегодня она должна увидеть меня именно в них. Так что давай, мистер Мэд, хорошенько постарайся и натяни их на меня, и за это... ночью, когда я вернусь, ты сможешь сделать со мной все, что только захочешь, — сообщает она и, поддев кончиком пальца мой подбородок, быстро целует в губы.

Усмехнувшись, смотрю на ее притягательное лицо: огромные карие глаза, пухлые губы и нежная на вид и ощупь кожа.

Дженни улыбается мне, а потом падает обратно на кровать, позволяя моим рукам и дальше делать невозможное.

Спустя несколько минут слышу довольный, финальный выдох своей любимой девушки, после чего поднимаюсь с колен и, медленно протянувшись вдоль ее тела, нависаю над ней.

— Хочу тебя, — шепчет она, поднимая теплые ладони к моим щекам.

— Ты ведь знаешь, что мне не нужно повторять дважды, Дженни?

Мои пальцы осторожно перебирают короткие каштановые волосы, а глаза погружаются в глубину ее мыслей, искрящуюся сквозь блестящие угольки напротив.

— Знаю, — смеется она, упершись руками о мою грудную клетку. — Но я тебя обломаю. Сейчас мне нужно как можно скорее одеться и выехать на мероприятие. Если я опоздаю, вряд ли... — она замолкает и, прикрыв глаза, хмурится. — Вряд ли Талия погладит меня по голове, как ты сейчас, и скажет, какой я прекрасный ассистент.

Она легонько отталкивает меня от себя и поднимается с кровати, заставляя мои руки, до этого обнимавшие ее, ощутить только *холодную пустоту*.

Я с тяжелым вздохом отдаюсь неизбежному — позволяю своему телу бессильно опуститься на спину. Лежу, устремив взгляд в потолок, а потом медленно поворачиваю голову, чтобы снова увидеть свою будущую жену.

Она еще не знает, как глубоко я в этом уверен.

Мир подождет, пока мы будем строить наш собственный.

Ее тонкие пальцы легко касаются застежек пижамы, и шелк с нежным шорохом сползает с ее тела. Она специально замедляет свои движения, чтобы дать мне еще больше времени насладиться ею.

Каждый изгиб ее тела кажется совершенным. Она не просто красива — она абсолютно безупречна, умопомрачительно идеальна.

Она — для меня.

Она — моя.

Я смотрю на ее спину. Каждая родинка, родимое пятнышко и неровность кажется искусством — моим персональным.

Я слежу за ее жестами — она неспешно натягивает нижнее белье и поворачивается ко мне лицом. Ее губы растягиваются в мягкой улыбке, но глаза будто чуть дольше фокусируются на мне.

Она слегка приподнимает бровь и, не произнеся ни слова, манит меня к себе двумя короткими движениями указательного пальца.

Мне не нужно повторять дважды, Дженни.

Поднимаюсь и, не разрывая зрительного контакта, подхожу к ней, будто опьяненный ею... *Знаю, тянет на помешательство, но именно такие ощущения я испытываю, когда она рядом.*

— Считай меня романтическим идиотом или человеком с отклонениями, Дженни... но ты похожа на вселенную.

Я больше не могу держать дистанцию — позволяю своим рукам аккуратно обвить ее талию. Тепло ее тела взрывается под моими ладонями, пока я наваливаюсь на душевные инстинкты.

Сейчас и всегда — только она. Она и этот момент, который я отказываюсь отдавать кому-то другому.

Я целую ее — с осторожной жадностью, жадной осторожностью, страстной нежностью и той искренностью, которая

может быть только между нами. Она слегка подрагивает в моих руках и между поцелуями тихо шепчет, почти украдкой:

— Только ты видишь меня такой, Мэддокс...

Ее голос звучит тихо, но слова впечатываются в мое сердце раскаленным клеймом.

Затем она замолкает.

Ее тело вдруг напрягается.

Губы слегка дрожат, а голос срывается прежде, чем фраза успевает сформироваться:

— Я не думала, что однажды мы...

— Однажды мы? — с улыбкой на губах прошу ее продолжить, но, уловив что-то непривычное в ее поведении, отстраняюсь.

Страх — он застывает в ее глазах.

— Дженни? — я касаюсь ее щеки, но она лишь приоткрывает рот, короткими рывками хватая воздух.

Ее взгляд пустеет.

Зрачки словно проваливаются куда-то вглубь.

Тело судорожно дергается, словно мощный разряд тока проходит через нее.

Я подхватываю ее, стараясь удержать. Ее ноги подкашиваются. Хрупкое тело становится свинцовым.

Я опускаюсь вместе с ней на пол, теряя ориентацию во времени и *гниющей* реальности.

— Дженни! — Мой голос срывается в крик. Я пытаюсь

привести ее в чувство короткими похлопываниями по щекам, но мои попытки кажутся смехотворными.

Хаос внутри срывается в безумие.

Нельзя паниковать.

Я должен действовать.

Здесь и сейчас.

— Все будет хорошо, Дженни, — *коротко, резко, уверенно.*

Хотя, прямо сейчас, я, кажется, ни в чем не уверен.

Рука автоматически тянется за пледом, что лежит неподалеку. Накрываю ее и, осторожно поднимая на руки, вылетаю из квартиры.

Осознание, что скорая будет ехать дольше и мы просто можем потерять время, ударяет в голову, заставляя меня действовать еще быстрее.

Лестница, улица, воздух, которого не хватает.

Где ключи?

От страха руки становятся чужими. Пальцы дрожат. Нахожу брелок в кармане спортивных штанов. Нажимаю на него. Открываю дверцу, укладываю ее и сажусь за руль.

— Не смей уходить, слышишь? — слова разлетаются в воздухе, но я продолжаю говорить: — Просто... держись, маленькая, ладно?

Судороги понемногу стихают, но пробуждение не наступает. Она здесь, но как будто уходит все дальше.

Больница уже близко. Я резко торможу у здания. Достав

ее из машины, крепко прижимаю к себе и мчусь в приемное отделение.

Мелькают люди, яркий свет больничных коридоров ослепляет на доли секунды, фоновые голоса сливаются в один и оглушают меня.

— Помогите! — крик вырывается из моей груди сильнее, чем я мог ожидать.

Медики реагируют быстро — и я укладываю ее на носилки с максимальной осторожностью, будто любое мое неловкое движение может ее убить. Держу ее за руку, до тех пор, пока ее не увозят.

Меня не пускают — *нужно ждать здесь*.

Кто-то из медперсонала остается со мной, обрушивая потоком вопросы — имя, когда началось, чем болела. Я автоматически отвечаю, не понимая половины собственных слов.

Потом наступает тишина. *Ожидание*.

Бесцветные стены давят на меня своим стерильным безразличием. Каждая клетка моего тела вибрирует. Дыхание становится шумным и рваным.

Шаг за шагом я добираюсь до стены и, уцепившись за холодную поверхность, позволяю телу уронить меня на пол.

Сижу в этом бесконечном коридоре и, прижав голову к коленям, слушаю громкий стук своего сердца. Оно будто выламывается из груди в отчаянных попытках оказаться там, где сейчас она.

Смотрю на часы над дверью, но стрелки на них издевают-

ся, превращая каждую секунду ожидания в пытку.

Закрываю глаза и представляю лицо Дженни. Ее глаза, теплый взгляд и тихое: «*Люблю тебя, мистер Мэд*».

Судорожно перебираю воспоминания, цепляюсь за те, где она легко, непринужденно и заразительно смеется.

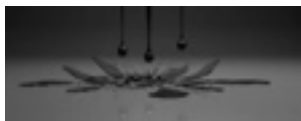
Я должен услышать ее снова. Ее смех. Ее голос. Ее очередную шутку.

Все, что с ней произошло, — чистая случайность. Усталость, та проклятая обувь, холод — что угодно, но только не нечто столь серьезное, из-за чего вся жизнь может перевернуться на сто восемьдесят градусов.

Но это утешение — жалкая попытка спрятаться от реальности.

Это что-то больше, чем просто случайность.

Это что-то, что принять будет намного сложнее.

Я почти не осознаю происходящего.

Любая эмоция, всякие силы, чувства — все замерло. Пустота растекается по венам, и единственное, что я могу делать, — это ждать.

Спустя некоторое время двери распахиваются с глухим металлическим звуком, который, кажется, эхом отдается

где-то внутри меня.

Серьезное, сосредоточенное выражение лица врача без слов подтверждает то, что все далеко от слова «хорошо», которое я ранее сказал Дженни.

— Нам удалось стабилизировать ее состояние, — начинает врач, внимательно глядя на меня. — Вы вовремя среагировали. Если бы время было упущено, последствия могли бы быть неизгладимыми.

— Что с ней?

Врач внимательно вглядывается в мои глаза, будто я сказал что-то несуразное, не входящее в рамки ситуации.

— Вы... разве вы не знаете?

Заторможенно качаю головой, выражая отрицание.

Он поджимает губы, шумно выдыхает через нос, а затем прижимает к груди папку с документами и снова смотрит мне в глаза.

— По данным из *Epic*¹ выяснилось, что ранее Дженнифер проходила обследование в одной из клиник. Она жаловалась на головные боли, сонливость, спазмы, снижение концентрации, перепады настроения. Вы замечали что-то странное в ее поведении?

Вопрос врача ставит меня в тупик. Замечал ли я описанное им? Нет. Ничего, черт возьми, из вышеперечисленного я не видел! Не видел потому... *потому что был слишком*

¹ Epic — это крупнейшая в США электронная система для хранения и обмена медицинскими данными.

занят своей учебой и проклятой работой.

— У нее была диагностирована глиобластома². Это злокачественная опухоль мозга. Ей рекомендовали срочную операцию и последующее лечение. Но она отказалась от вмешательства. Подписала документы, подтверждающие, что осознает риски. Мы не могли заставить ее — это ее законное право.

— Почему... — хриплю я, в груди разрывается безграничный гнев и бессилие, сменяющиеся паникой. — Почему она не сказала мне? Почему она скрывала это от меня? Почему, черт возьми?!

— Такое случается часто. — Он смотрит усталыми, но честными глазами. — Многие пациенты, особенно молодые, боятся сообщать близким. Боятся быть обузой. Боятся вызывать боль. Боятся, что их жизнь и отношения разрушатся. Если я правильно понимаю, она была одна на момент диагностики. И, возможно, решила, что справится.

Одна... одна... одна...

— Формально поводов для экстренной госпитализации не было. Но от операции она не должна была отказываться.

Он делает еще одну короткую паузу.

— Сейчас опухоль дала выраженный отек. Из-за него и возник приступ. Мы сняли давление, сделали первичную терапию, но это временно. Ее состояние может снова ухуд-

² Глиобластома — злокачественная опухоль головного мозга из глиальных клеток, отличающаяся высокой агрессивностью и плохим прогнозом.

шиться. Я думаю, мне не стоит говорить, чем это все может закончиться?

Я сжимаю пальцы до боли.

Хочу избавиться от этой информации.

Хочу перемотать время назад — туда, где мы счастливы.

— Что нужно? — холодно спрашиваю я. — Деньги? Лечение? Назовите любую сумму, любую клинику! Сделайте что-то... Не молчите.

Но его взгляд... он отрезвляет сильнее любого ответа.

Там нет обмана. Нет ложной надежды — только жестокая правда.

— Даже с самыми лучшими технологиями и специалистами... — он опускает глаза в пол, — возможно лишь продление и улучшение качества жизни. Но полной ликвидации опухоли на сегодня нет. Мне очень жаль.

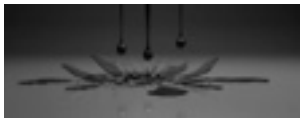
Все рушится. Пространство сжимается в темный вакуум. Больше ничего...

...ничего нет.

— Я хочу к ней.

Врач задумывается на секунду, а затем кивает.

— Я проведу вас. Она, возможно, не услышит вас, но почувствует. В такие моменты человеческая душа чувствует больше, чем слышит разум, — говорит он, проходя чуть вперед. — И... Мэддокс, вам нужно рассмотреть вариант операции. Чем раньше — тем выше шансы продлить ее жизнь.

Я делаю уверенный шаг в сторону палаты, но внутри этот шаг кажется последним в моей жизни. Останавливаюсь у двери и прислоняюсь к ней лбом, боясь осознать, что этому придет конец.

— Она сильная, — говорю сам себе, будто повтор этих слов поможет пережить происходящее. — Она сильная. Она справится. Мы справимся.

Дверь медленно открывается, и я вхожу в палату. Приглушенный свет ударяет по глазам. Вокруг тихо — звучит лишь писк мониторов, мерно отсчитывающих биение ее сердца. Она лежит на кровати. Ее окутывают трубки и провода.

— Дженни... — Мой голос срывается, когда я оказываюсь у ее постели. — Почему ты ничего мне не сказала? Почему... почему я ничего не заметил?

Молчание.

Только усталые линии на ее лице, едва заметные под светом лампы, свидетельствуют о том, как тяжело ей пришлось жить, зная, что она вовсе не живет.

Я обхватываю ее ладонь своей. Пытаюсь почувствовать хотя бы каплю ее силы и уверенности, которые она так отчаянно демонстрировала все это время, когда внутри ее головы разрасталась смерть.

Тишина давит, и в какой-то момент я не выдерживаю.

— Знаешь, — начинаю заново, натягивая горькую улыбку на лицо, — ты самая упрямая женщина в моей жизни. Я люблю тебя за это. И сейчас, пожалуйста, Дженни, продолжай упрямиться. Продолжай бороться. Продолжай быть здесь. Я буду делать это вместе с тобой. Обещаю, маленькая.

Я сжимаю ее ладонь чуть сильнее и, наклонившись, целую прохладные костяшки, задерживая губы на длительное время.

У жизни есть срок годности.

Но мы создадим свою собственную вечность.

Глава 2

ДЖЕННИ КОУЛ

спустя три месяца

Чувства сильнее времени — они выходят за его пределы.

Но я так боюсь, что, перейдя этот предел, он не справится...

Я не знаю, что будет дальше.

Когда я услышала слова врача о том, что со мной происходит, я думала, что сейчас Мэддокс погладит меня по спине, поцелует в плечо, и я проснусь. Проснусь рядом с любимым человеком, улыбнусь ему, расскажу о кошмаре — и все

будет привычно, все будет хорошо... *Но его не было рядом.*

Его не было в тот день, когда мне сказали, что я умираю.

Его не было тогда, когда я в секунду потеряла все.

Его не было...

И это я сама сделала так, чтобы его не было рядом.

Я хотела подготовиться. Хотела ребенка. От него.

И мне нужно было убедиться, что со мной все в порядке, что можно планировать будущее.

Но... как оказалось, нельзя.

Сломало ли меня это? Да... Я скончалась в ту секунду, когда мой слух обжегся этим фактом.

Я пришла за надеждой, а ушла — с катастрофой.

Мне хотелось вспороть лезвием уши, добровольно отказаться от способности слышать, чтобы забыть... *Забывать то, что будет иметь только болезненный исход.*

В тот вечер я не смогла сказать Мэддоксу. Не смогла сказать и через неделю. Через месяц мне все еще было «не до этого». И я бы ничего так и не сказала — продолжала бы принимать таблетки, выписанные врачом, держала бы под маской «все в порядке, просто устала» головные боли, засиживалась бы в туалете, пока меня рвало от боли — если бы в какой-то момент мой организм не решил все за меня.

Мне было страшно признаться ему, что я не в порядке. Я знала, что он останется. Он будет держать меня до конца. Но я не хотела делать ему больно.

Не хотела, чтобы он винил себя.

Не хотела, чтобы он жил ожиданием потери.

Я хотела, чтобы он просто жил дальше. Чтобы был счастлив, создавал прекрасное, любил всем своим сердцем.

Ведь так, как любит Мэддокс, — так не любит никто.

И я чувствую себя такой нестабильной эгоисткой. Сначала обещаю, что справлюсь, а после операции — прогоняю его, говорю жестокие вещи, чтобы он возненавидел меня.

Хотя, в глубине души, я все еще хочу иметь наше кратковременное «счастливо». *Нашу вечность*. Нашу короткую историю любви. Нашу печальную концовку.

Сейчас, стоя в примерочной и глядя на свое отражение, я не хочу плакать. Думаю лишь о том, что не ломаю его жизнь, а проживаю свою рядом с ним.

А он... он продолжает держать меня так, будто я и есть весь его смысл.

Каждый раз, когда я шла на лучевую терапию, он проводил меня, крепко сжимал мою ладонь и передавал мне свои силы — моя энергия выжигалась до нуля, иногда у меня не хватало сил даже на слабую улыбку.

А он все равно пытался подарить мне хоть каплю света.

Когда у меня началась истерика из-за выпавших волос — я кричала, разбила посуду, спряталась от него, потому что не могла смотреть на себя, не могла позволить ему видеть себя вот такой.

Он же просто постриг свои волосы и пришел ко мне. Просто был рядом. Держал мои руки на своих щеках, позволяя

мне чувствовать его, гладил большими пальцами мои запястья и говорил: *«Мы вместе пройдем через это»*.

Он каждый раз выбирал меня не условно, не на время, не «пока удобно», а *полностью*.

Я категорически отказалась говорить кому-либо о том, что со мной. Не хочу жалости, слез и фраз «как жаль».

Если бы они знали, как жаль мне самой...

Бороться, когда сил на борьбу уже нет.

Улыбаться, когда мир внутри рушится по кусочкам.

Делать вид, что все хорошо, когда от «хорошо» не осталось ничего.

И если бы не Мэддокс. Если бы не он... я бы больше не упрямылась — я бы бросила и сдалась. Но если он уверен, что короткое будущее с такой, как я, — то, чего он хочет, — я буду с ним до последнего вздоха.

Я открываю глаза и снова смотрю на себя — красивое платье оливкового цвета (*единственный цвет, на который я могу смотреть, — цвет его глаз*), длинные волосы красного оттенка — один из париков, которые я ношу, чтобы чувствовать себя такой, какой я была до начала конца. Туфли на плоской подошве для удобного передвижения.

Я провожу ладонями по талии, отмечая идеальность выбранной ткани, и кручусь по сторонам, чтобы в полной мере оценить то, что вскоре официально станет **его**.

Сегодняшний день станет особенным.

Собираюсь повернуться, но легкая штора отодвигается

быстрее, демонстрируя моим глазам моего Мэддокса. Он с глубоким интересом смотрит — не на тело, не на «тряпку», а на меня. Он всегда так делает — видит красоту не поверхностно, а на уровне души и внутренних черт.

— Тебе нравится? — спрашиваю я, пытаюсь перенаправить его взгляд с моего лица на платье.

— Не вижу ничего, кроме тебя.

Мэддокс подходит ближе ко мне, его пальцы скользят по оголенной руке и плавно поднимаются выше, пока не оказываются лежать на плече. Он наклоняется и касается его губами, снова вызывая божественный трепет и покалывания в груди.

Замираю, прикрываю глаза и закусываю уголок нижней губы, когда он проводит дорожку из поцелуев от плеча к шее, от шеи до мочки уха. А затем шепчет:

— Всегда только ты, Дженни, — *поцелуй в висок*, — только ты, — *поцелуй в щеку*, — при любом раскладе.

— Мэддокс... — осторожно начинаю я, опуская свою ладонь на его кисть. — Пообещай, что через год, пять лет, пятнадцать... когда меня уже не будет рядом с тобой, ты будешь вспоминать этот день с улыбкой на лице.

Делаю паузу, поворачиваюсь к нему и вскидываю подбородок.

— А если нет... если ты будешь ненавидеть сегодняшний день, то... я буду приходить к тебе каждую ночь в виде самого страшного кошмара, который ты только сможешь пред-

ставить.

— Если это произойдет, Дженни, то это будут самые лучшие кошмары.

Он улыбается, убирая пальцами несколько прядей с моей груди. Его взгляд падает на ключицы, после чего он погружает ладонь в карман и достает оттуда кое-что, что вынуждает соль скопиться в переносице.

— Это что?

— Мой подарок для тебя, — объясняет он, поднимая мою руку перед моей грудью. — Это ты, Дженни.

Он опускает на мою ладонь подвеску с круглым кулоном в форме кольца, на котором выгравирована бесконечность в виде буквы «Джей».

— Сквозь время, пространство и через границы, — приглушенно проговариваю я, неотрывно смотря на драгоценную вещь. — Но я ничего не подготовила для тебя.

— Подготовила, — говорит он, наконец-то проходясь взглядом по моему наряду. — Себя.

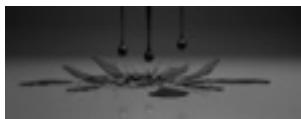
Мэддокс обхватывает ладонями мои щеки и опускает губы на мой лоб, затем немного отстраняется и смотрит в глаза:

— Приходи ко мне каждый раз, когда захочешь увидеться. А если не придешь — я сделаю это сам.

— Если ты осмелишься заявиться ко мне — я тебя убью! Клянусь, мистер Мэд, своими собственными руками обхватчу твою шею и задущу, — возмущенно произношу я, легонько ударяя его по плечу кулаком.

— Ты ведь знаешь, что я скажу? — Его шепот касается моих губ.

— Знаю...

— Все в порядке? Ты не передумала? — спрашивает Мэддокс, сжимая мою ладонь в своей.

Снова накатывают сомнения — не сделаю ли я ему хуже, не ошибаюсь ли, не пожалеет ли он об этом. Но стоит взглянуть в его глаза, почувствовать тепло его присутствия, и я прогоняю эти мысли далеко на задний план.

И это повторяется снова и снова, почти каждую минуту... Я устала от этого внутреннего напряжения, от постоянной борьбы с навязчивыми сомнениями. Они оправданы, но с ними так чертовски тяжело жить.

— Мэддокс, я не знаю, когда я...

— Значит, не передумала, — перебивает меня, приправляя свой ответ сдержанной улыбкой. — Значит, все в порядке.

Я не понимаю, как он терпит меня, как он держится, когда я... вот такая.

— Хорошо, тогда... — произношу я, сглотнув слюну, — пока я дышу, ты — мой.

— Вот этот ответ мне нравится больше, — говорит он, целуя меня в висок.

К нам подходит девушка-регистратор, к которой мы обратились за помощью. И сейчас, в центральном парке у фонтана Бетесда, нам подарят наше «счастье».

— Прошу прощения за задержку, — говорит она, поправляя волосы.

— Не переживайте, у нас много времени, — с улыбкой отвечаю я, из-за чего Мэддокс напрягается.

— Вы готовы? Я могу начинать? — интересуется она, переводя взгляд с меня на Мэддокса.

— Мы готовы.

Я пытаюсь удержать эмоции под контролем, но нервозность проступает в каждом вдохе, в каждом движении. Пальцы сжимают ткань платья — будто так можно стереть влажность с ладоней и вместе с ней тревогу. И в ту же секунду Мэддокс берет мою руку, переплетая наши пальцы. Он сжимает их крепко и уверенно — без слов, но это его любимое послание мне: *«Все пройдет хорошо. Я рядом»*.

— Любовь — это не только чувства, это действия, — произносит девушка заранее подготовленный текст. — Это решение быть рядом, поддерживать, вдохновлять и защищать друг друга, несмотря на испытания, которые может принести жизнь...

Я прикусываю нижнюю губу и не свожу с нее взгляда, ловя каждое слово и впитывая каждую букву с особым трепетом.

У меня это происходит в первый и в последний раз. Я не хочу упустить ни одной секунды.

— Мэддокс, вы произнесете клятву первым.

Он глубоко вздыхает, разворачивается ко мне, берет мои руки обеими ладонями и смотрит прямо в глаза.

— Дженни... — произносит он и делает паузу, будто собирает слова из рассыпанных осколков. — Я обещаю быть твоей опорой, твоими руками, твоей памятью и твоим спасением... Ты подарила мне больше, чем смысл — ты подарила мне то, что навсегда отпечатается в моем сознании: себя, свои чувства, свою любовь. Я клянусь быть твоим — *в нашу вечность* и каждую секунду после.

Во рту появляется металлический привкус — я слишком сильно прикусываю внутреннюю сторону щеки.

В груди будто движется инфицированный осколок, сдирая защитные слои, — сердце ударяется о стены так больно, что отзывается во всем теле.

В глаза будто насыпали битую стеклянную крошку — слезы больше не желают скрываться, сбегая по щекам солеными дорожками.

Я отвожу взгляд, стараясь справиться с собой. Но в этот день моя эмоциональность посылает меня к черту и «дарит» телу тревожное, пронзающее счастье с единственным коротким слоганом: *люблю его*.

— Дженни, — девушка обращается ко мне.

Стерев с щек слезы, поднимая взгляд на любимого муж-

чину и озвучиваю то, что давно греет меня изнутри:

— Мэддокс... — сглатываю горечь с языка. — Я благодарна тебе за то, что ты существуешь. Пусть я бываю вспыльчивой истеричкой, забываю важные вещи и могу ранить тебя словами, но... я клянусь быть твоим светом, даже если ночь станет слишком темной. Я клянусь видеть тебя, слышать тебя, любить тебя каждый день — каким бы длинным или коротким он ни был. *Я клянусь быть в твоём сердце, пока оно бьётся для меня.*

Между нами возникает пауза. Я надеюсь, что Мэддокс правильно понимает смысл последней фразы. *Мое нахождение в его сердце будет временным.*

Девушка нарушает тишину вопросом:

— Вы готовы *навсегда* связать свои жизни любовью, уважением и преданностью?

— Да, — первым, без запинок, отвечает Мэддокс.

Я молчу и внимательно смотрю на него.

Я не порчу ему жизнь. Не порчу. Не порчу.

Качаю головой, желая отогнать от себя лишние мысли, и четко произношу:

— Конечно да. Без каких-либо сомнений, Мэддокс Каттанео.

Он закрывает глаза и качает головой, словно отгоняет от себя самый страшный кошмар.

— Я люблю тебя, Мэддокс, — говорю я, касаясь его щеки и, встав на носочки, целую. — И это единственное, что я буду

делать. Так что будь готов делать все остальное.

— *У нас есть вечность в каждом дне, Дженни.*

Глава 3

МЭДДОКС КАТТАНЕО

спустя четыре месяца

двадцать четвертое декабря

Мы родились, чтобы быть счастливыми.

...временно

Время...

Оно больше не кажется линейным. Мы проживаем каждый день так, будто впереди еще вся жизнь, и одновременно так, будто она может закончиться уже к вечеру.

Я забил на учебу. Ограничил время работы. Сепарировался от окружения. Стал только ее.

Наш импровизированный *медовый месяц* растянулся на четыре месяца уединения. Я хотел, чтобы за это время Дженни прочувствовала все, что другие успевают пережить за годы.

Возможно, это звучит глупо или безрассудно, но когда есть ограничения во времени и возможностях, хочется сделать все, что в твоих силах, чтобы подарить любимому человеку максимум радости.

В один из дней я решил удивить ее и превратил нашу квартиру в побережье океана — голубые стены, пляжная одежда, доставка еды, объятия под шум волн из колонок. *Мы не могли поехать к океану, но океан смог приехать к нам...*

За эти месяцы мы стали еще ближе, хотя, казалось, что уже знаем все друг о друге. Когда Дженни рассказала о своих тайных и безумных желаниях, я постарался реализовать каждое из них.

Так мы провели ночь в палатке в лесу — на безопасной, приближенной к городу территории, на случай если Дженни станет нехорошо. Она долго смотрела на горизонт и, лежа на моем плече, тихо сказала: *«Если бы это был мой последний закат, он был бы идеальным».*

Он не стал последним. Он был первым.

Она была счастлива в тот момент, а я — продолжал любить ее.

Следующим желанием Дженни была верховая езда. Она призналась, что с детства не могла подходить к лошадям, но

всегда любила их издалека. Встреча с реальностью оказалась доброй: ей подобрали спокойного, уравновешенного жеребца, который позволил ей почувствовать себя профессиональной наездницей.

Она была счастлива в тот момент, а я — продолжал любить ее.

Желание под названием «Рождественское чудо» она долго не решалась озвучить, думая, что я посчитаю его глупым и буду смеяться. Я не смеялся. Я продумывал план, как сделать все идеальным.

Ночь в арендованном парке аттракционов, где только **для нее** работали аттракционы, только **для нее** выступали музыканты, только **для нее** горели огни. **Только для нее.** Рождественская ночь в сентябре получилась впечатляющей.

Она была счастлива в тот момент, а я — продолжал любить ее.

Но не всегда было все так гладко...

Как бы я ни хотел, но счастливые моменты можно пересчитать на пальцах обеих рук потому, что ее эмоциональность часто давала резонирующие всплески — от радости и милой улыбки до слез и горькой истерики.

Она жалела... Она стабильно раз в пять дней устраивала сцены с разговором о расставании. Она истерила, говорила вещи, от которых сжимались кулаки. Она пыталась добиться от меня признания, что все, что между нами было, есть и будет, — ошибка, дефект, болезненная зараза, от которой

нужно избавиться.

В один из таких дней, на нашем свидании, она кивнула за соседний столик, за которым сидела молодая девушка, уткнувшись в телефон, а затем повернулась ко мне и, глядя в глаза, сказала: *«Вот эта девушка здорова. Она хороший вариант для тебя, а я — нет».*

Что я чувствовал в тот момент заботило только меня. В ту секунду ей было плевать на то, что внутри меня разразилась злость — не на нее, а на ту дрянь, что жрала ее мозг огромными порциями.

Я сдержался...

...почти.

Я стиснул зубы до скрежета, пальцы впились в запястье Дженни, когда я повел ее к уборной. Там я прижал ее к стене и, держа ладони на ее щеках, сказал: *«Твою мать, если ты хочешь для меня другой жизни, позволь мне прожить хотя бы демо-версию этой с тобой. Дай мне возможность любить тебя, а не топить себя в своих же чувствах. И не повторяй больше того, что ты только что сделала. Я. С тобой. До. Конца».*

Удалось ли мне достучаться до нее? Примирительный секс в уборной считается за факт принятие во внимание моих слов? *Если да, то удалось.*

Но это не единственный эпизод, призвавший мою злость и агрессию. Они повторялись, доводили до панической атаки мои нервы, а потом успокаивались.

Полтора месяца назад случилось кое-что, после чего о состоянии здоровья Дженни узнало на несколько человек больше.

Тея. Хантер. Тео.

Они приехали без предупреждения в вечер, когда мы с Дженни сидели в обнимку на балконе и смотрели на небо.

Два года назад Тея и Дженни прекратили свое общение из-за странных обстоятельств, и спустя время Тея решила «наладить» контакт. По крайней мере, попытаться. В результате мы получили двух плачущих девушек, которые заперлись на кухне и не впускали туда никого с фамилией Каттанео до вечера следующего дня.

После разговора с Теей, который стал своего рода «мини-терапией» для Дженни, она приняла решение вернуть в жизнь тех, от кого добровольно отгородилась. И сегодня она собирается на предрождественскую пижамную вечеринку к обретенной здесь подруге Аманде.

— Мистер Мэд, как тебе такой вариант? — Дженни без стука врывается в мою рабочую комнату.

Я бросаю на нее взгляд, убираю кисть в сторону и поднимаюсь со стула, намереваясь скрыть от ее глаз то, что она должна увидеть в завершенном виде.

Она слегка прищуривается и, смотря на обратную сторону мольберта, плавной походкой направляется ко мне.

— Что ты там делаешь? — спрашивает она, склоняя голову набок.

— Немного работаю. — Я раскрываю руки для объятий, не позволяя ей продвинуться дальше и увидеть раньше времени то, что ей точно понравится. — Думаю, завтра все будет готово.

На ее лице мелькают десятки эмоций: от легкого огорчения до упрямой настойчивости.

— Завтра? — повторяет она, разочарованно вздыхая. — Может, я посмотрю сейчас? Мне очень интересно.

— В этой просьбе, маленькая, я вынужден тебе отказать, — мягко говорю я и, осторожно убрав с лица искусственную прядь фиолетового цвета, продолжаю: — Тебе идет. Мне нравится этот вариант. Как и любой другой.

— Не пытайся задобрить меня, Мэддокс! — Дженни легонько бьет меня по запястью и тут же начинает гладить место удара. А потом поднимает ладонь к волосам и накручивает прядь на палец. — Но согласна, мне тоже нравится. Сегодня я планирую быть королевой пижамной вечеринки.

— Ты уже королева, Дженни, — говорю я, смотря ей в глаза. — Сегодня покоришь там всех, а завтра будешь моей?

— Буду. — Она проводит ногтем по моему подбородку, медленно обводит линию челюсти и останавливает палец на моих губах. — Наверное, нет места лучше, чем быть с тобой. Я счастлива, что ты терпишь меня и мои перепады эмоциональности, Мэддокс. Не знаю, что бы я делала, если бы ты сдался и принял мое предложение о расставании.

— Люблю тебя, Дженнифер Коул. И схожу с ума от твоей

эмоциональности.

Дженни кладет обе руки мне на плечи, сокращает и так мизерное расстояние между нами и касается своими губами моих, после чего обжигает шепотом увлажненную поцелуем кожу:

— Я думаю, нет ничего страшного в том, что я опоздаю на полчаса. А тебе не мешает небольшой перерыв, Мэддокс.

Улыбаясь сквозь поцелуй, я опускаю ладони на ее поясницу, нежно поглаживая покрытые шелком места. Пальцы скользят вверх, к лопаткам и плечам, и стягивают тонкие бретели топа. Получив больше доступа к ее коже, я провожу дорожку из поцелуев, позволяя себе насладиться ею, а своему слуху — ее прерывистыми выдохами.

Идеальный перерыв...

Уверенным движением обхватываю ее за бедра и усаживаю на себя. Она прижимается ближе, будто любой намек на дистанцию доставляет боль. Не разрывая контакта с ее нежной кожей, я направляюсь в сторону нашей спальни. Опускаю ее на постель и нависаю сверху. Смотрю в ее глаза. Она — в мои. И мы оба находим себя — *не теряемся*.

Ее пальцы ловко поддевают край черной футболки и стягивают ее с моего тела. Ее рука тянется к резинке спортивных штанов, проникая под ткань и совсем не нежно обхватывая член. Она горит подо мной — не только желанием и предвкушением, но и тем, что каждый раз заряжает меня все

сильнее.

Наклоняюсь к ней и приступаю к самому любимому процессу — *влюбляюсь в нее все сильнее и сильнее.*

Губы опускаются на шею — не просто часть тела, а пространство доверия. Место, где есть граница между нежностью и страстью. Участок, где под тонкой кожей бьется пульс в такт моим прикосновениям. Зона, где каждое касание — язык без слов, способный превратить мгновение в бесконечность.

Оставляю поцелуи, которых никогда не будет много, и спускаюсь чуть ниже, плавно стягивая с ее тела последний предмет одежды.

— Мэддокс, трахни меня, — шепчет Дженни, впиваясь пальцами в простыню.

Обожаю ее прямолинейность.

— Все для тебя, Дженни, — отвечаю я, едва заметно усмехнувшись.

Я приподнимаюсь, беру презерватив с тумбочки и, надев его, медленно вхожу в нее, чувствуя тепло отовсюду: от нее, от ее прикосновений, от ее голоса, от ее взгляда.

Она закидывает ноги мне на поясницу и прижимает к себе, и я ускоряюсь, желая отдать ей всего себя и получить взамен лишь ее удовлетворение.

Мои губы находят ее, язык проникает в рот, зубы стучат, пока наши тела чувствуют друг друга на максимальном уровне близости. С силой сжимаю ладонью ее бедро — получаю

укус за губу и ее громкий стон.

— Люблю тебя, — шепчет она, когда я прислоняю лоб к ее лбу и делаю контрольные толчки перед финишем, — так сильно, что хочу жить под тобой вечно.

Тяжело дышу, слизываю с ее языка признание и опускаюсь рядом. Дженни приподнимается, кладет свою голову мне на плечо и переплетает пальцы с моими.

— Ты знаешь, что теперь весь вечер я буду думать лишь о том, как ты снова войдешь в меня?

— Знаю, — отвечаю я, поглаживая большим пальцем ее ладонь. — В этом есть и положительная сторона. У тебя появится возможность соскучиться по мне.

— Мне кажется, я скучаю по тебе всегда.

— Дженни, — говорю я, облизывая губы, — я всегда буду рядом. И это не попытка успокоить тебя. Это неоспоримый факт.

— Я чувствую это, Мэддокс.

Я поднимаю ее ладонь к своему лицу и целую костяшки, уделяя внимание безымянному пальцу, на котором она носит кольцо.

— Теперь можешь продолжать собираться, чтобы не пропустить ничего интересного.

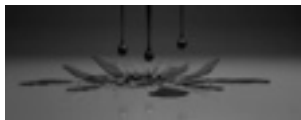
— Интереснее секса с тобой там не будет ничего. Поверь мне.

— Верю.

Она сползает с меня, поднимается на ноги и направляется

к двери. Останавливается, поворачивается ко мне и посылает воздушный поцелуй.

— Когда вернусь, будь готов к тому, что я с тебя не слезу, мистер Мэд. Мое тело жаждет твоих поцелуев и прикосновений, — говорит она, прикусывая губу. — Лучшее Рождество в своей жизни я проведу с тобой.

На часах девять утра.

Я все еще сижу перед мольбертом и поднимаю кисть, нанося финальные штрихи в работу, которая станет для нас важным символом.

Символом нашей любви. Символом нас. Символом нашей вечности.

На полотне изображено затемненное лицо Дженни. Ее волосы оставлены без растушевки — мягкими волнами спадают на плечи, создавая естественный контраст со светлой кожей.

В карих глазах отражается целая вселенная эмоций, в зависимости от угла и настроения, с которым смотришь на портрет, — они то искрятся озорством, то излучают тепло и нежность.

Мне нужно еще пару часов, чтобы закончить работу и по-

казать ее Дженни.

Я прокручиваю в голове варианты ее реакции.

Возможно, она заплачет от радости или, наоборот, от зло-сти, и снова попытается оттолкнуть меня. А может быть, ей станет настолько тепло и спокойно внутри, что она перестанет предпринимать попытки избавиться от меня...

Но...

...все рушится в одночасье.

Телефон, валявшийся на полу, оживает рингтоном и раз-рывает тишину.

Звонок. Неизвестный номер.

Хмурюсь. Предполагаю, что это спам.

Отключаю вызов и бросаю телефон обратно.

Он звонит еще раз.

Перевожу взгляд на устройство. Поднимаю его и лениво провожу по экрану пальцем, продолжая находиться в своем мире — рядом с ней.

— Слушаю, — произношу, подправляя кистью контур ее подбородка. На кончике щетины черная краска, а перед гла-зами — совершенство ее образа.

Чужой, негромкий, но уверенный голос врывается в со-знание, заставляя что-то внутри напрячься:

— Мэддокс?

— Да, это я. Вы...

— Я детектив. Эштон Моррисон. Департамент полиции Нью-Йорка. Мне нужно задать вам несколько вопросов. Вы

знакомы с Дженнифер Коул?

Моя ладонь сдавливает кисть.

Капля краски медленно падает на полотно, растекаясь уродливой кляксой прямо по нежным линиям, которые я старательно вырисовывал.

Тишина давит и сковывает тело, воздух становится вязким, а мозг судорожно пытается осмыслить услышанное.

Я пытаюсь выстроить цепочку, связующую его слова и то, какое отношение Дженни имеет к полиции. И в голову не приходит ничего кроме самого страшного...

— Что... — *глухо хриплю я, не понимая, не веря, отказываясь от этого.*

— Сэр, вы меня слышите? — повторяет он. — Дженнифер Коул...

— Это моя жена, — слова срываются из сухой глотки. — Что произошло?

Детектив Моррисон не тянет, не играет в дурацкую игру «вопрос-ответ». Он забирает у меня остатки надежды, не оставляя даже малейшего проблеска.

Никаких пауз, никаких передышек.

Он просто бросает мне правду — ту, что ломает кости без анестезии, разрывает органы на куски, режет жизнь лезвием.

Своим заявлением он подтверждает, что я достиг последней остановки в эконо-классе под названием «жизнь».

— Мне жаль, что приходится сообщить вам это...

Кожа покрывается толстым слоем льда.

— Сегодня утром было обнаружено тело женщины. Документы и данные телефона указывают на то, что это может быть Дженнифер Коул.

Булава из его слов долбит лед на рваные осколки.

— Причина смерти пока устанавливается. Расследование ведется.

Осколки холодного стекла вспарывают грудную клетку без жалости, без пощады.

— Нам требуется ваша помощь для подтверждения личности. Вам нужно приехать в участок. Я отправлю адрес и время.

Один осколок впивается в левое ребро, рвет плоть, пронзает мышцу, уничтожая то, что еще несколько минут назад было согрето любовью.

Моя жизнь разрывается надвое: до этого момента — и навсегда после.

Хочу вернуть время назад. Вернуть ее.

— Понимаю, что это тяжело. Но нам нужно провести процедуру. Вы сможете приехать?

Хочу проткнуть себе глаза черенком кисти, чтобы не смотреть вперед и не видеть ее счастливое лицо...

— Да, — сухо, безэмоционально, не своим голосом.

Телефон издает тихий сигнал. Мысли взрываются, превращаясь в хаос. Реальность ударяет сильнее, чем я мог когда-либо представить.

Орудие «убийства» выпадает из моих пальцев и с глухим

стуком падает на пол, размазывая черную краску по поверхности. Грудная клетка сжимается так сильно, что я задыхаюсь от этой боли. Глаза упираются в портрет, где ее образ улыбается мне, а слова детектива застилаются шумом крови, стучащей в висках.

Дженни должна была быть дома у подруги. На пижамной вечеринке.

Она обещала вернуться утром... Она. Обещала. Вернуться!

Она... Нет! Нет! Нет!

— НЕТ! — кричу в пустоту, бросая телефон перед собой.

Поднимаюсь на ноги. Делаю резкий шаг в сторону. Руки дрожат. Поднимаю их к голове, цепляя палитру с красками, которая переворачивается на паркет, загрязняя его *мертвыми* цветами. Взгляд падает вниз, а следом за ним валюсь и я, не в силах больше стоять.

Я пытаюсь сдавить виски так сильно, чтобы мой мозг перестал вырисовывать **не тот** образ Дженни...

Провожу ладонями по лицу. Вдавливаю пальцы в глаза настолько, чтобы не видеть больше никогда... *но я вижу... я представляю.*

Это невыносимо. *Пытаюсь отрицать.*

Это все из-за недосыпа. *Щипаю себя за лицо.*

Мне просто нужно было лечь спать, а не работать. *Падаю на спину. Смотрю в потолок.*

Я должен уснуть. Я должен проснуться от ее голоса и теп-

ла ее тела. Я должен вдохнуть ее запах. Я должен еще хоть раз увидеть ее... *живой.*

Телефон снова взрывается звуком.

Дженни. Это она. Это она.

Резко приподнимаюсь, беру устройство и вижу то, что подтверждает омертвляющую реальность. Ту, где мне придется выживать в одиночестве. *Без нее.*

Я должен идти туда... туда, где она...

Где ее больше нет...

С огромным усилием поднимаюсь на ноги. Боль отдается в каждом движении. Разворачиваюсь. Вижу ее лицо. Черный мазок на скуле, плавно стекающий на ее *шею.*

Кулаки сжимаются, мысли стопорятся.

Она не увидит — я не притронусь.

Глава 4

МЭДДОКС КАТТАНЕО

спустя двадцать три дня

У всего есть точка невозврата — тот момент, после которого пути назад не бывает. Я же не просто достиг этой черты, я перевыполнил план.

— Я знаю, как тяжело вам слышать это, — говорит детектив Моррисон ровным голосом, избегая моего взгляда. — Но я обязан сообщить вам результаты экспертизы. Причина смерти — передозировка препаратами, применяемыми при лечении глиобластомы.

Его слова не сразу доходят до меня.

Передозировка?

Как будто это может что-то исправить. Или сделает про-
изошедшее... *проще*.

В горле до невообразимости сухо, а внутри все дрожит — от этого идиотского заключения, или от того, что вчерашний вечер, как и множество предыдущих, я провел в потрясающей компании бурбона, водки и одиночества.

— Был проверен состав веществ в крови, — сухо продолжает он. — Концентрация некоторых из них значительно превышала допустимую. Травмы, обнаруженные на ее теле при осмотре, были получены в результате падения. Признаков насильственного вмешательства не выявлено.

Падения? Не выявлено?

Но перед глазами вспышками встает совсем другое...

Ее холодное тело, прикрытое стерильным белым полотном.

Потеки туши на ее щеках.

Съехавшая с губ помада.

Следы рвоты на подбородке.

Темные пятна на скулах — «не выявленные».

И шея... та самая шея, которую я целовал, — теперь застывшая, с фиолетовыми кровоподтеками, слишком явными, чтобы их можно было «не заметить».

Ложь.

Дешевая. Продажная ложь.

— Нам очень жаль, — добавляет он, бросая на стол про-

зрачный пакет. — Это ее личные вещи.

Мои губы невольно изгибаются в кривой полуулыбке, пока мой взгляд падает на ее вещи.

Пижама.

Телефон.

Подвеска.

Кольцо.

Она любила смотреть на то, как это *кольцо* блестит под лучами солнца.

Но теперь света нет. Есть только бесконечная темнота.

Передозировка... Это шутка такая?

Жаль, что алкоголь до сих пор пульсирует в крови — возможно, трезвым я мог бы оценить этот убогий юмор.

— Вам не кажется, что вы просто...

Я резко вскидываю голову, пытаюсь сконцентрировать взгляд на его продажной роже. Усмешка вновь искажает губы.

— ...не хотите выполнять свою гребаную работу? Дохрена заплатили, чтобы вы озвучили эту херню?

Он пытается что-то сказать, но я не даю ему этой возможности — он сказал слишком много, и его слова, тон, поза вывели меня из себя.

— Вы издеваетесь?!

Я резко подрываюсь со стула, который с грохотом падает позади меня. Ноги с трудом держат ватное тело, и я роняю сжатые в кулаки ладони на стол, склоняясь перед его лицом.

— Двадцать три дня! Прошло всего двадцать три дня, и вы уже собираетесь саботировать дело по причине... — делаю паузу, не понимая, как вообще можно было сделать такое заключение, — передозировки?! Какого хрена, детектив?! — Я резко взмываю ладонь, скидывая с его стола стакан с канцелярией и документацию.

Самоконтроля больше нет. Он стал пылью под ногами.

Детектив Моррисон собирается встать, но я тут же кладу ладонь ему на плечо, заставляя сесть на место — *я еще не закончил.*

Мне плевать на его должность, плевать на камеры, плевать на то, что мне может «что-то» за это быть... *точно так же, как и им плевать на Джесси.*

— Вы даже не пытались, да? — шепчу сквозь зубы.

Злость ищет выход — пальцы впиваются в его рубашку, горло жжет, будто я снова закинулся паленым алкоголем, а в висках пульсирует едкое чувство вины и несправедливости, от которых невозможно избавиться.

— Скажите правду, детектив Моррисон, — не отрывая взгляда от его лица, я пытаюсь забраться в его голову и узнать хоть что-то. — Вы просто прикрываете чью-то задницу, не так ли?

— Да что вы себе позволяете?! — возмущается он, откидывая мою руку со своего плеча.

Хмыкаю, уловив в его возмущении ответ на свой вопрос, выпрямляюсь и смотрю этому ублюдку в глаза.

— Вы конченный трус, детектив. Пока вы живы — ваша жизнь станет адом. И это не угроза должностному лицу. Это факт. Вы прячете того, кто убил человека, и думаете, что я этого не узнаю?

Думаете, я поведусь на эту херню? — киваю на лист бумаги, лежащий на столе.

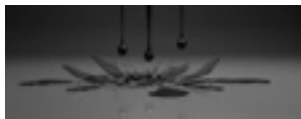
Он открывает рот, но я снова затыкаю его:

— Если вы решили переметнуться на сторону виновного — я приду за каждым, кто подписался под этой ложью.

Пауза.

— И за вами тоже — вот это уже обещание. Просто ждите, детектив. Еще увидимся.

Забираю со стола вещи Дженни, проклятое заключение, разворачиваюсь и иду к выходу, не оглядываясь, смахивая все, что попадает на глаза.

Очередная бутылка выскальзывает из моих пальцев, пока пьяные глаза блуждают по темному потолку, выискивая причины существовать дальше.

Дженни...

Я подготавливал себя к тому, что это однажды произой-

дет. Но не готовил к тому, что это случится *таким образом и так рано.*

Невыносимо.

Я убеждал себя, что справлюсь. Убедил даже своих братьев, что могу жить самостоятельно, что не сломлен и точно не нуждаюсь в их навязчивом присмотре. Они поверили... *Или просто устали бороться со мной.*

После похорон они уехали, оставив меня наедине с этой безграничной тишиной, которая хлещет по ушам звонче любого шума.

Как я? Как я себя чувствую? Нужен честный ответ? Или лживого «я в порядке» будет достаточно?

Правду? *Хорошо.* Я чувствую себя так, словно мне ввели в организм смертельный вирус, заменили сердце на поржавевший кусок металла и пустили по венам жидкое лезвие.

Я — пепел от взрыва. Я и есть пустота. Я мертв внутри.

Каждый день я блуждаю среди обломков прошлого, натываясь на вещи Дженни, на проклятый, недорисованный «сюриприз», который никогда не будет завершен.

Я не могу. Я не в состоянии держать кисть. Я не в силах смотреть на что-то светлое.

Я. Большие. Не. Тот.

Каждую ночь я закрываюсь в спальне — моя камера на пожизненное заключение с дырой в груди, у которой нет ни права на заживление, ни шанса на утешение.

Я срываю крышку с новой бутылки, делаю пару жадных

глотков прямо из горлышка. Жидкость обжигает горло — туманит, но не до состояния покоя.

Снова падаю на кровать. Переворачиваюсь лицом вниз и утыкаюсь в постельное белье, которое еще хранит ее запах. *Персики*. Она обожала эти духи.

А я любил ее...

Я отчаянно желал увидеть ее. Напиться до такого, чтобы стать реальностью иллюзии. Но не было ни одной ночи, чтобы она пришла ко мне. Ни одного сна. Ни одной галлюцинации.

Она клялась, что придет. *Но не сдержала клятву.*

Я клялся быть ее в нашу вечность...

...но наша вечность истекла.

Телефон издает звуковой сигнал, но я игнорирую его.

Игнорирую до тех пор, пока до моего пьяного рассудка не доходит, *чей* телефон отзывается сигналом.

Поднимаюсь с кровати и, цепляя пустые бутылки, плетусь к столику, куда положил вещи Дженни. Взгляд падает на перевернутый экраном вниз телефон. Поднимаю его и несколько раз моргаю, пытаюсь понять: рехнулся ли я, или реально вижу то, что там изображено.

Неизвестный номер.

Прикрепленное фото.

Три фотографии.

Но одно... отчетливо показывает мне, что слова детектива — откровенная ложь.

Дженни. Ее улыбка. Живые глаза. На ней темно-синяя пижама — та самая, которую она выбрала в ту ночь, решив пойти на вечеринку к своим подругам. Домой к одной из них.

Домой — не в клуб, зал которого видно на снимке.

Тру глаза пальцами.

Возвращаюсь в чат. Ни одного сообщения. Пусто.

Твою мать! Надо мной кто-то издевается?!

Блокирую телефон. Но он тут же вспыхивает новым уведомлением.

«Привет, Дженни! Не знаю, куда ты пропала. Но если ты не хочешь продолжать со мной общение, пусть хотя бы эти фото будут у тебя. Прости, если что-то не так».

Челюсть сводит в напряжении. Палец дрожит, когда я снова открываю фото.

Моя Дженни. Клуб. Фото.

Это не может быть случайностью или дурацким совпадением.

Нажимаю на номер. Смотрю на цифры. Фиксирую.

Звоню. Нет доступа.

Пишу сообщение. Стираю. Пальцы не попадают по буквам. Снова пишу. И снова стираю.

Делаю это до тех пор, пока не оказываюсь стоять напротив здания, где выстроилась толпа счастливых туш.

Ярко-оранжевая вывеска «добро пожаловать» над дверьми ночного клуба *«Tight-light»*.

В ушах звенит — последствия вечерней «тусовки» сре-

ди стекла и спиртного пойла. Ладони сжимаются в кулаки. Мыслительный процесс отказывает в запуске, и вот я уже стою в очереди перед влюбленными идиотами, которые согреваются друг друга совсем не дружескими прикосновениями. *Раздражают.*

Я выдыхаю, стараясь обуздать смешанный коктейль из боли и накачивающей злости. Поднимаю двумя пальцами воротник футболки и принохиваюсь. *Сносно.* Достаточно нормально для того, чтобы меня не выгнали в первую же секунду.

Позади кто-то, видимо, чертовски сильно торопится на вечеринку, раз задевает меня плечом. Короткое «простите» не вызывает никаких эмоций — сплошное равнодушие к окружающему миру.

Очередь сокращается, и я, игнорируя собственное отражение в стекле — слишком жалкое зрелище — подхожу ко входу, где стоит охранник. Он смотрит на меня так, будто я пятью шагами ранее оскорбил его просто своим существованием.

— Имя, — требовательно произносит он, проводя пальцем по электронному устройству в руке.

Здесь еще и по списку, по пропускам... Забавно.

— Стивен, — выдыхаю ложь, неотрывно смотря на проверяющего.

— Вас нет в списках.

— Видимо, не тот список смотришь, — говорю я, — Про-

верь еще раз.

Я достаю из кармана несколько купюр и незаметно протягиваю ему, получая от него кивок одобрения.

— Точно, — соглашается он, убирая деньги в карман классических брюк. — Стивен Кэйн, верно?

— В точку.

Он отходит в сторону и раздвигает бархатный шнур для прохода, позволяя мне продвинуться, но останавливает легким касанием за плечо, и мне тут же хочется сломать ему конечность, которой он неправильно воспользовался.

— Только не создавай проблем, — приглушенно бурчит он.

— Не вопрос, — подтверждаю я, дергая плечом.

Музыка бьет в уши и поражает центральный мозг через барабанные перепонки. Ритм синтезируется с моим бешеным сердцебиением, и я не уже различаю: где музыка, а где мой собственный пульс.

Свет прожекторов мечется по толпе, будто танцпол — это гигантская клетка, а люди — жалкие канализационные крысы, танцующие в такт своего заточения.

Смех. Крики. Алкоголь. Танцы. Счастливые лица. Бесят. *Они ничего не знают. Они ничего не чувствуют.*

Я медленно прохожу через зал. Взгляд останавливается на диване — том самом, на котором, судя по снимку, сидела Дженни. Но теперь там сидят какие-то ублюдки, которые жаждут насладиться этим днем по полной — это видно по

их угашенным лицам.

Дергаю головой в сторону, и прохожу дальше, случайно толкаясь о танцующую пару, где парень сразу же хватает девушку за плечо, отдергивая ее от меня, будто я болен. А я, *черт возьми, болен...*

Подойдя к бару, сажусь на стул и бросаю взгляд на бармена. Его глаза скучаяще пробегают по мне, будто он прикидывает: достаточно ли у меня бабок, которые я смогу спустить в утиль.

Достаточно. Не надо судить по моему внешнему виду о размере моего кошелька.

— Самое крепкое, что у вас есть, — произношу я, протягивая купюру.

Он кивает, забирает деньги, и уже через минуту стакан стоит передо мной.

Выпиваю его залпом, горячая волна алкоголя скользит вниз. Жжение в груди — короткая пустота вместо мыслей. *Недостаточно. Надо повторить.*

— Еще.

Потом еще. И еще.

Достаточно. *Пока что.*

— Мне нужен владелец этого заведения.

Он настороженно смотрит на меня, будто я сказал что-то странное, потом бросает взгляд за мою спину и кивает вверх.

— На втором этаже, прямо по коридору.

Я нахожу кабинет быстро, но так же быстро разочаровываюсь. Закрыто. Пусто. Никого нет.

Собираюсь вернуться. Ноги несут меня по длинному коридору. Глаза цепляются за багровые стены.

Запах пота. Алкогольные ноты. Приторные духи.

Тошнит от этих ядерных ароматов. Смрад душит своей липкой плотностью, забивается в ноздри, оседает на языке, будто я пробую его на вкус.

Морщусь.

Каждый шаг отдается глухим эхом в голове, смешиваясь с остатками алкоголя и чем-то еще — тем, что поднимается изнутри.

Здесь все слишком живое. Чересчур грязное.

За закрытыми дверями — приглушенные голоса, стоны, крики, скрип мебели. Жизнь, которую я не хочу больше видеть.

Пальцы сжимаются в кулак.

Я иду дальше.

Уборная.

Открываю дверь, подхожу к раковине и включаю воду. Она шумит, заглушая все вокруг, но не голову, не мысли.

Я подставляю ладони и брызгаю ледяной водой в лицо.

Капли стекают по щекам, срываются с подбородка. Но легче не становится.

Я поднимаю взгляд на мутное зеркало.

Отражение смотрит в ответ с отвращением и безразлично.

стью. Рука взмывает над зеркалом и, сжавшись в кулак, наносит удар.

Один.

Еще.

И еще.

Недостаточно.

— Эй, ты в норме? — звучит мужской голос за спиной.

Дышу. Закипаю. Злюсь.

Поворачиваюсь. Передо мной темноволосый парень в дорогой рубашке.

Он хмурится, скользит взглядом по моим рукам, по крови на костяшках, по челюсти, сжатой так, будто я сейчас кого-нибудь разорву.

Совсем не вписываюсь в эту роскошную дыру?

— Я всего лишь спросил. Не кипятись.

Я ничего не отвечаю. Просто смотрю.

Он криво дергает плечом, будто жалеет, что вообще полез, и пятится к двери.

— Ладно. Психуй дальше. Но не занимайся порчей имущества. Корвин будет зол, если увидит, что его клуб разносят. Но это уже будут твои проблемы, парень.

Дверь за ним захлопывается.

А до моего пьяного сознания слишком медленно доходят его слова.

Иду следом за ним, спотыкаясь о порог. Толкаю дверь и сворачиваю налево. Вижу его спину и опущенную голову

вниз.

Делаю еще несколько шагов, наступая ногой на что-то пластиковое. Останавливаюсь. Поднимаю ее двумя пальцами и уже собираюсь идти дальше, но гул в коридоре перекрывает резкий звук.

Глухой. Сдавленный. Но слишком громкий для просто разбитой бутылки. А потом слышу голос.

Женский голос.

Тонкий. Сорванный.

Он бьет прямо туда, где все еще полыхает.

Дженни?

Не может быть. Это невозможно. Это неправда.

Но он снова звучит.

А я... срываюсь.

Взгляд падает на дверь. Проклятая восьмерка. Дрянная бесконечность.

Ничего не может быть бесконечным. *У всего есть срок.*

Ладонь опускается на фурнитуру — не поддается. Ключ. Прикладываю валяющуюся карту к ручке, и дверь с глухим звуком открывается.

Рванный полумрак, моргает лампа. Силуэты дергаются, как в грязной воде мухи.

Ублюдок нависает над девушкой. Его ладонь сдавливает ей челюсть.

Яркая вспышка пререзает сознание.

Ее холодное тело, прикрытое стерильным белым полотном.

Потеки туши на ее щеках.

Съехавшая с губ помада.

Следы рвоты на подбородке.

Темные пятна на скулах.

Не помню, как оказываюсь возле них. Не помню, как отталкиваю его от нее. В организме слишком много туманной жидкости — нет концентрации во времени, но она есть в движениях.

Ощувив под пальцами его скользкую кожу, я теряю контроль — выпускаю из себя обезумевшего Мэддокса, который за «свое» лишит «всего».

Не думаю, не чувствую — только действую. *Мои* кулаки обрушиваются на *его* лицо.

Удар.

Еще один.

Еще.

Не вижу — только *слышу*, как под ударами костяшек что-то хрустит, как раздается глухой стон. Но боли нет. Нет ничего. Глаза заплывают. Кровь густо оседает на языке, лезет в ноздри, в глотку. Лицо горит так, будто по коже прошлись наждачкой. Голова переполнена туманом и глухой яростью.

А потом мощный хлопок.

Он больше не движется.

Не двигаюсь и я.

Я лежу на спине рядом с ним. Легкие раздрает слишком горячий воздух. Каждое движение мышцы отзывается новым жжением на лице. Стало слишком тихо. Слишком *хорошо*.

Я прикрываю глаза. Под веками плавают яркие блики. Нужно немного времени. Сейчас будет нормально.

С трудом открываю их снова и медленно приподнимаюсь. Едкий металлический запах проскальзывает между моими вздохами, разбушевавшись где-то на задворках восприятия, пока я не опускаю взгляд.

Дрожащие руки. Каждая складка кожи вымазана в алый. На костяшках. На пальцах. Под ногтями.

Дженни...

Поднимаюсь на ноги.

Сердце скачет по телу, пока я осматриваю тесную комнату. Глаза изучают каждый угол, выискивают ее — взгляд цепляется за каждый предмет, ищет хоть намек на то, что она была здесь. Но...

Ничего.

Ничего, что подтвердило бы, что она вообще здесь была.

Пусто.

Это была лишь игра моего разума. Пьяная, больная вспышка.

Я плавно перевожу взгляд на пол.

Бордовый ковер.

Неподвижное тело неизвестного мне человека.

Кровь.

И только потом... приходит холодное осознание моей новой реальности...

Я.

Убил.

Человека.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

пять лет спустя

Глава 1

МЭДДОКС КАТТАНЕО

Тюрьма Айрон-Вэлли ³ , Нью-Йорк

Когда тебе кажется, что ты уже познал весь вкус жизни, она решает приправить его щепоткой экзотических специй.

Удар. Удар. Удар.

Ритм — как пульс.

Еще пару раз левой.

³ Тюрьма Айрон-Вэлли — вымышленное название исправительного учреждения. Американская тюрьма строгого режима, где есть закон, но соблюдают его по-особенному.

Теперь правой — вверх, а потом, вывернув ладонь, точно в середину груди.

Пот стекает по лицу, жжет надорванную бровь, задетый уголок губы, ссадину на скуле.

Рука, перетянутая бинтом — он уже давно стал серым от пыли и засохшей крови — смахивает соленые капли.

И снова — в стойку.

Пятый год. Одно и то же: выдох, замах, удар.

Все сливается до глухого стука кулаков и тяжелого дыхания.

Когда я оказался здесь, мой разум треснул.

Я отчетливо осознал — это не место для живых, для тех, кто еще способен чувствовать.

Шум, лязг замков, ночные крики заключенных, — все вокруг пропитано плотным дымом отчаяния, который невозможно выветрить ни временем, ни привычкой.

Это место подстраивает под свои законы — здесь выживает тот, кто способен гасить эмоции и просчитывать каждый шаг.

Безумие стало естественной средой, а я — частью этого механизма.

То, что я делаю, — не прихоть и не попытка убить время. Это инстинкт. Способ удержаться на грани, оттолкнуть *тьму*, выбить еще немного воздуха из этого токсичного пространства.

Каждый удар — как удар по смерти, каждый выдох —

просьба о новом рассвете.

Как парадоксально вышло...

Я оказался здесь потому, что решил, что жизнь мне больше не нужна. А теперь — в каждом движении, в каждом бие-нии *мертвого* куска сердца — яростное требование прожить еще хоть один день.

Что, собственно, здесь происходит...

Я полагал, что тюрьма — это просто бетон, решетки, исправительные работы и скука, где остается лишь лежать на жесткой койке и считать трещины на стене, изрезанной ногтями тех, кто был здесь до тебя. *Но я ошибался.*

Это место — другое.

Происходящее здесь похоже на сон при горячке — ты мечтаешь открыть глаза и вдохнуть прохладу, но не можешь. *Здесь все — за пределами морали, далеко за чертой закона.*

Это похоже на бред сумасшедшего, но это реалии, к которым мне пришлось приспособиться.

«Тренажерный» зал... или, как его именуют среди заключенных, — *арена смерти*, где толпа утративших остатки человечности, выходит друг против друга. Нет, не спорт... Это мясорубка ради забавы охранников, умирающих от скуки на своих сменах.

Умирающих...

В конце каждого месяца начинается главное шоу. Надзиратели называют его «естественным отбором». Для них мы — клоуны в наручниках, играющие в смертельные игры для

их смеха и ставок.

Те, кто выдерживает месячную *тренировку*, становятся ведущими *игроками*. Но уже не для размахивания кулаками — ради выживания.

Правила просты: Никакой пощады. Никакой жалости. Покалечь или стань калекой.

Первое время я был среди тех, кого бросали в камеру *смертников*. Место, где ты валяешься полумертвый, не осознаешь происходящего и видишь блеклый свет в конце темного коридора.

Желание ползти к *свету* жгло изнутри, но смерть лишь дразнила: раскрывала руки для объятий, давала возможность встретиться с *ней*, но тут же отшвыривала меня обратно — шипя, что **я еще не готов**.

Тогда мне пришлось готовиться. Я начал что-то делать. Каждый день. Каждую ночь. Сначала — мишень, потом — стрелок, в которого *верят*.

Я становился сильнее. Я научился играть по правилам смерти и научился ее обыгрывать. *Или она просто любила мне поддаваться.*

Удары, хрипы на издыхании, треск хрящей и костей, падение — это не забывается. Это въедается в кору головного мозга, прожигает память и вшивается под сетчатку.

Ты закрываешь глаза, и все, что можешь представить, — твое бездыханное тело отскребают от грязного пола и утилизируют. А если ты *вдруг* умираешь — твою смерть коротко

объясняют сухой формулировкой: тромб, остановка сердца или самоубийство (*используется чаще всего, так как психическое состояние заключенного выходит за грани адекватности*).

Я мог быть на грани одного из этих финалов, если бы не понял две вещи.

Первое — умирать мне пока что нельзя. *Есть причина жить.*

Второе — если ты не станешь зверем в этих стенах, тебя с ним *сравняют*.

Когда на тебя смотрят, ожидая увидеть страх, боль, панику, но ты не даешь им этого удовольствия, — тебя наказывают награждением: двое суток в изоляторе без света, воды, еды и возможности сходить в туалет.

Сколько времени я провел там? Не хватит пальцев обеих рук, чтобы сосчитать. Потому что «слабость» — не то, что поможет мне проснуться живым.

И если я все еще могу рассуждать, нанося увечья набитому песком мешку, очевидно, что моя слабость спрятана под прочной броней, которая защищает в этих стенах.

Сочли меня за сумасшедшего? Да? Отлично. Нет? Хм, тогда придется на деле доказать свой статус.

Кулак сталкивается с жесткой поверхностью в момент, когда открывается дверь комнаты для подготовки.

Боковым зрением замечаю двух охранников. Их лица покрыты масляной пленкой высокомерия и презрения — базо-

вый набор качеств тюремных служителей.

— Докс, пришло твое время, — произносит один из них, жестом руки указывая в сторону двери. — Сегодня выходишь против заключенного, которого перевели из Саркелля из-за частых жалоб о насилии с его стороны. Его надо поучить манерам, а тебе — принести нам бабок.

Я молчу. Медленно поворачиваюсь, встречая холодным взглядом глаза охранника, который говорит мне это.

— Может, скажешь хоть что-нибудь? Возможно, это последний раз, когда ты это делаешь, — добавляет второй, саркастично хмыкнув.

Последний? *Нет.*

Главное *оружие*, созданное Доксом в стенах тюрьмы, — минимум слов и максимум действий под постоянным наблюдением.

Оставив вопрос охранника без ответа, я протягиваю руки перед собой и жду, когда браслеты обхватят запястья. Он хмыкает, лениво выполняя свою работу, а потом кладет ладонь мне на плечо и выводит из комнаты.

Проходя через узкие коридоры тюрьмы, я слышу за собой звуки металлических дверей и непрекращающиеся крики заключенных, которые стучат руками по своим ногам, а ногами по полу, создавая мелодию предвкушения неизбежного.

В этом душном помещении с бетонными стенами, освещенном лампами с желтым светом, толпятся надзиратели и некоторые влиятельные гости, которые каждый раз приходят

«отдохнуть» от скучной рутины.

Когда я подхожу к арене, шум толпы усиливается. Охранник снимает браслеты, и я устремляю взгляд перед собой — в пустоту.

— Сегодняшние *игроки* — Карлос Льюис и Докс!

Толпа из заключенных одобрительно вскрикивает, подпитывая его уверенность. А делают они это потому, что знают, что за отсутствие поддержки их ждет отсутствие еды и водные процедуры — *это когда твою голову на длительное время окунают в воду, испытывая твои легкие на прочность.*

— Готов? — недовольно рыча, спрашивает Льюис, поднимая кулаки без защитных бинтов на уровне груди.

Я киваю, не отводя взгляда от его глаз.

Карлос рвется вперед — я остаюсь на месте, тело напряжено, взгляд цепкий. Первый удар пропускаю — хочу оценить стиль, размер, силу, инерцию. Боль в корпусе заставляет кашлянуть и согнуться.

Следующие несколько минут наполняются обменными ударами и блоками. Вокруг крики, но я слышу только дыхание и биение крови в висках — *единственный шум, который я воспринимаю.*

Он пытается прочесть меня, но выбирает не тот язык.

Его ослепляет злость — меня расчет.

Ловлю его промах — уклон, и мой кулак врежется ему в солнечное сплетение.

Воздух вырывается из его груди свистом. Лицо искажено,

руки тянутся к животу, а я продолжаю наблюдать и представлять, как его тело вскоре накроют грязной простыней. *А потом мне станет легче, спокойнее, проще.*

Он снова поднимается. Прыжки, разминка, маска уверенности.

Ему нужна победа, а мне...

Мне нужен баланс боли и физического насилия.

Даю ему еще шанс — он бьет. Еще раз. И еще. Кровь заполняет рот. Сплювываю. *Хватит.* Выставляю блок.

Резкий выброс — колено, корпус, запястье. Хруст. Воздух вибрирует от короткого крика, ладонь Льюиса бьет по полу, смешивая пот с пылью.

Он что, думает, что попал на ММА⁴ ?

Я толкаю его ногой, вбивая лицом в грязь, и фиксирую шею в финальном захвате.

— Докс.

Сквозь гул различаю голос, но я слишком занят, чтобы полноценно вникнуть в слова.

— Мэддокс Каттанео! — звучит уже громче, ближе.

Я поднимаю взгляд, не ослабляя хватку. Вижу мужчину в форме, который стоит на краю арены и сухо произносит:

— Тебя вызывают на разговор.

Я даже не моргаю. Меня не интересует это. Меня не тро-

⁴ ММА (Mixed Martial Arts) — это смешанные боевые искусства, вид спорта, в котором бойцы используют технику из разных единоборств, таких как бокс, кикбоксинг, борьба, муай-тай и другие.

гают их испытания.

— Наблюдательный совет решил, что ты заслуживаешь освобождения.

Хватка на шее Карлоса становится крепче — не могу уйти, не закончив начатое. Даже если есть повод — освобождение.

— Сейчас же отпусти его и следуй за мной.

Тяжело дыша, я бросаю взгляд на главного надзирателя — он кивает, и только после этого я отпускаю Карлоса, ощущая, как в тишине трещит напряжение.

Прямо сейчас меня ненавидит каждый стоящий здесь человек. Они мечтают отсюда исчезнуть, но делаю это я.

Спускаюсь с арены, подставляю запястья для наручников, но он останавливает меня.

— Бинты оставь здесь. Надень комбинезон. — Он бросает мне одежду. — Сделай вид, что ты человек, а не животное.

Я стягиваю грязные бинты с рук, протирая ими свое лицо, снимаю такие же грязные штаны и натягиваю оранжевый комбинезон.

Он показывает мне движение рукой, прося меня развернуться.

Выполняю — поворачиваюсь и, сцепив ладони за спиной, мгновенно ощущаю на них привычный холод металла. Затем иду вслед за человеком, оставляя позади запах крови и недосказанную победу.

Мы останавливаемся у массивной двери.

— К стене, — коротко бросает он. Я отворачиваюсь.

Металл дрожит под его ударами — и спустя минуту дверь с гулом отъезжает в сторону. Он жестом приглашает меня внутрь.

За деревянным столом сидит мужчина с тяжелым, почти каменным взглядом, рядом — две женщины в полицейской форме. В углу стоит камера на высоком штативе с мигающей лампочкой, фиксирующей каждое движение.

— Документы, — хрипло произносит мужчина, чуть поворачивая голову. Женщина листает стопку папок, находит нужную и передает ему.

Он долго, без мельчайшего движения, изучает меня — проверяет, есть ли внутри хоть что-то живое. Потом включает настольную лампу, и свет падает на страницы, которые он читает с почти болезненной концентрацией.

— Мистер Каттанео, вы понимаете условия вашего освобождения? — Он снова поднимает взгляд на меня, лениво перекручивая между пальцами шариковую ручку.

Я киваю.

Молчание — единственный язык, которым я владею в совершенстве в этих стенах.

— Вам назначен условный инспектор. Регулярные встречи — без опозданий. Строгое соблюдение всех предписанных условий. Любое нарушение, даже незначительная драка, жалоба соседей, — возвращает вас обратно. Так что будьте осторожны и внимательны. Нам бы не хотелось снова видеть

вас здесь. Думаю, вам тоже.

Я продолжаю слушать его, не проявляя ни единой эмоции на лице. Он лишь качает головой, наклоняется над бумагами и, подписав их, громко ставит печать на листе.

— Вы можете забрать ваши личные вещи на выходе, — добавляет он, протягивая мне *билет в просроченную жизнь*.

Едва заметно кивнув, я отворачиваюсь и выхожу в коридор, не веря в то, что сейчас мне придется идти не туда, куда я привык.

Мы идем мимо кабинетов с табличками, пока он не останавливается у одного, забитого коробками с личными вещами. Он быстро отыскивает мою, ставит передо мной. Внутри — одежда, телефон, часы, деньги, крест на цепочке, *кольцо* и рюкзак.

Щелчок — наручники спадают.

Ощущения непонятные.

Я переодеваюсь в свою одежду, которая стала меньше — *или я стал больше*. Джинсы, футболка, теплая зеленая куртка — почти возвращают облик старого «меня». Бросаю кольцо в карман куртки, крест надеваю на шею, а рюкзак — на плечо.

— Можешь идти, — звучит безэмоционально.

Меня сопровождают до выхода — обязанность, которую необходимо выполнить.

Тюремные створки медленно раздвигаются, впуская холодный октябрьский воздух в легкие.

Я застываю. В голове стынет мысль: почему я не рад этому, если я теперь свободен? Но она тут же размораживается ответом: я останусь заключенным до самой смерти.

Не в наручниках и бетонированных стенах дело, а в том, что внутри — в голове и под ребрами...

Свобода... слишком помпезное слово для того, кто уже давно ничего не чувствует. *Она не способна воскресить похороненное.*

Делаю шаг, второй — и слышу знакомый свист сбоку.

— Эй, Докс. Поздравляю с освобождением, — говорит он, будто это что-то значит. — Заслужил.

Он подходит ближе, роется в кармане и протягивает мне пачку сигарет.

— Держи. Возможно, тебе это пригодится.

Я беру сигареты и, открыв пачку, вижу уголок визитки и название.

— Позвони по этому номеру, когда будешь готов. Скажешь Куперу, что от меня, и тебе там помогут, — добавляет он и, выбросив окурочек и хлопнув меня дважды по плечу, уходит.

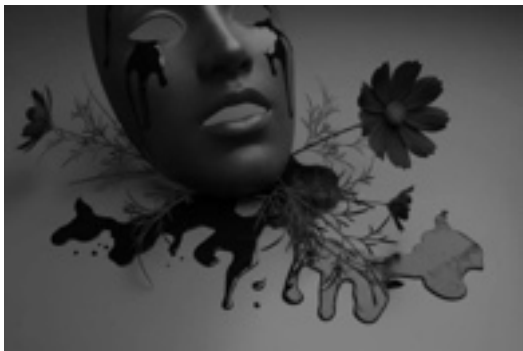
Я выхожу за ворота. Несколько миль пешком — и такси до ближайшего мотеля с дешевыми шторами и тишиной, где можно не думать хотя бы одну ночь.

Нужен перерыв — осмысление произошедшего.

Время не залечило раны, оно лишь высушило душу до пусташи.

Красота мира сгнила и разложилась в моей памяти.
Я по-прежнему мертв. *Но все еще жив.*
Без смысла, без цели.
Почти...
Кое-что незавершенное у меня все-таки осталось...

Глава 2

МЭДЕЛИН ХЭЙЛ

Нью-Йорк, США

настоящее время

*Больше всего в своей жизни я ненавижу лгать.
Но лгу почти каждый день...*

— Да-да, придурок. Все это я уже давно слышала, — произношу я, проводя кончиком пальца по дулу пистолета, который уверенно удерживаю левой рукой. — Ты думал, что я никогда не узнаю, чем занимаются такие уроды, как ты?

Ленивой походкой обхожу вокруг подвешенного вверх ногами человека, который заслужил того, чтобы с его телом

выполняли всевозможные извращенные действия. *Такие же, какие он совершает в своих личных развлекательных целях.*

— Что ты хочешь от меня, стерва? — шипит он, сплевывая сгусток крови на паркет.

Я лениво опускаю взгляд вниз и, склонив голову набок, смотрю на алое пятнышко на идеально чистом полу.

— Ц-ц-ц, Митчелл, нельзя пачкать своим дерьмом светлое покрытие. — Я делаю шаг вперед и, наклонившись к его разбитому лицу, осторожно провожу по его подбородку холодным металлом. — Ой, чуть не забыла, — мило улыбнувшись, будто я придурочная идиотка, выпрямляюсь иправляю пистолет за пояс кожаных брюк.

Я подбегаю к тумбочке у кровати, украшенной лепестками белых роз, и беру оттуда телефон. Возвращаясь к мужчине и, перевернув устройство, подношу его к его лицу, оттягивая заплывшие веки, чтобы сработало распознавание.

Получив доступ к гаджету, я нахожу нужное приложение и совершаю перевод всех имеющихся средств на его счете... себе.

— Ну вот и все, — улыбаюсь я, почесывая дулом по своему виску и растрепывая белые волосы. — Сладких снов, Митчелл.

Поднимаю пистолет и незамедлительно нажимаю на курок, украшая морщинистый лоб дырой, из которой плавно вытекает тонкая струйка красного цвета прямо на пол.

— Черт, ну просила же по-человечески...

Вздохнув, закрываю глаза и провожу ладонью по щеке. Услышав звук входящего вызова, я достаю свой телефон из заднего кармана и прикладываю его к уху:

— Да-да, любимый, — натянув на лицо улыбку, я подхожу к зеркалу и смотрю на свое отражение. Проверяю состояние макияжа, а затем слегка поправляю контур губ кончиком пальца, облаченного в черную перчатку. — Да, осталось сделать педикюр, после чего я вся твоя. Соскучилась по тебе невыносимо. Обещай, что сегодня же мы пойдем с тобой в тот ресторан, где подают самые сочные стейки, а потом ты сделаешь что-то сочное для меня.

Договорив, я направляюсь в сторону выхода, но останавливаюсь, почти достигнув двери. Медленно поворачиваюсь к подвешенному *труп*у.

Мой взгляд скользит по его застывшему, лишенному былой важности, лицу, и я решаю немного симпровизировать в финальной сцене.

Подойдя ближе, я всматриваюсь в его лицо и нежно целую его во все еще *теплую* щеку. След яркой помады вспыхивает на бледной коже, контрастируя с темнотой окружающего пространства.

— Как жаль, что мы не успели с тобой как следует поселиться, — шепчу я с деланной грустью и тут же театрально вздыхаю. — Но, что-то мне подсказывает, умираешь ты лучше, чем трахаешься.

На губах играет полуулыбка, и я, развернувшись, уверен-

но направляюсь к выходу, плавно покачивая бедрами. *Он уже не оценит моих движений, но это сделает кое-кто другой.*

И тут воздух разрезает громкий крик:

— Стоп! Снято!

Моргнув, я сбрасываю с себя внутреннюю напряженность и возвращаюсь в реальность.

Шум голосов и суеты моментально заполняет помещение. Подвешенный «труп» медленно открывает глаза, и страховщики помогают ему безопасно спуститься на пол.

Пространство возвращается на свои места — свет, прожектора, люди. Обычная съемочная площадка, необычная рабочая ночь.

— Мэд, ты слишком хорошо вжилась в свою роль, — бросает человек с дырой во лбу с натянутой улыбкой. — Если бы не камера, я бы подумал, что тебя реально так сильно несет.

— Просто хорошо делаю свою работу, — произношу я, усмехаясь и встряхивая накладными волосами. — Кстати, последняя фраза была не по сценарию.

— Готов доказать тебе, что трахаюсь я так же качественно, как и умираю, — говорит он, поигрывая бровями.

— Прекращай, Роджер. Я все равно не поведусь.

Я стягиваю невыносимо неудобные красные туфли на высоченных каблуках и уже предвкушаю, как проведу ближайшие несколько часов в ванной.

— Ну, я должен был попытаться, — произносит он, и, ко-

гда я перевожу взгляд на него, вижу, как он, склонившись в сторону, оценивает: достаточно ли плотно кожаные штаны облегают мою задницу.

— Красиво? — хмыкнув, спрашиваю его.

— А? — переспрашивает он, обращая свое внимание на мое лицо. — Работа? Да, конечно, красиво.

— Мэделин, возьми, — звучит голос моей ассистентки. Она протягивает мне бумажный стаканчик с горячим кофе. — Черный, без сахара.

— Спасибо, Зоуи, — благодарю ее, мягко улыбнувшись.

— А мне ты так не улыбаешься, — обиженно говорит Роджер, складывая руки на груди.

— Я знаю тебя уже больше трех недель, Роджер, из которых всего... два дня ты не пытался подкатить ко мне. И то только потому, что тебя не было на площадке, — произношу я и, подув в стакан, делаю маленький глоток. — Так что не пытайся давить на жалость и претендовать на милую улыбку от той, кого ты порядком уже... замучил.

— Я могу и обидеться, Мэд.

— А я могу и влупить, Родж.

— Обожаю, когда ты злишься, — прикусив нижнюю губу, он опускает взгляд на мой рот, а затем снова возвращается к глазам, которые я тут же закрываю. — Я заеду за тобой в субботу в семь. Поедем в ресторан есть сочное мясо.

— Я переехала. И меня тошнит от сочного мяса.

— Могла бы просто сказать «нет».

— Нет.

— Заеду в восемь.

Тяжело вздохнув, я отворачиваюсь от него и ухожу, понимая: этот разговор — пустая трата времени, которая ни к чему не приведет.

Не люблю настолько повышенное внимание к своей персоне вне кадра и мероприятий.

То, что я актриса — не значит, что мне нужно терпеть каждый подкат со стороны коллег противоположного пола.

Актерство... мое настоящее призвание.

Мое желание — перевоплощаться в тех, кем я никогда не смогу стать, в тех, кто сильно отличается от моей истинной сущности.

Зайдя в гримерную, я ставлю перед зеркалом стакан с кофе и задерживаю взгляд на своем отражении. Оттуда на меня все еще смотрит Хлоя Шоу — уверенная, хладнокровная стерва, которой я была весь съемочный день.

Из ящика консольного столика я достаю ватные диски и с легким щелчком открываю крышку флакона с маслом для снятия макияжа. Несколько капель растекаются по дискам, и я приступаю к смывке следов рокового образа с моего лица. Каждое прикосновение — шаг назад в мою собственную жизнь, к тому, кем я являюсь на самом деле.

Наконец, я стягиваю пепельный парик, распускаю длинные волосы, позволяя им мягкой волной упасть на грудь. Теперь передо мной — совсем другой человек.

Мэделин Хэйл.

Стройная брюнетка с голубыми глазами, которая никогда в жизни не смогла бы причинить боль даже самой крошечной букашке, в отличие от той девушки, которой я *жила* еще пятнадцать минут назад.

И в этот момент я опять чувствую всю магию своей профессии — *быть кем-то совершенно иным, но каждый раз возвращаться к себе...*

Это как совершить путешествие в чужую реальность, исследовать ее до мельчайших деталей, а потом вернуться обратно в свой уютный кокон.

Продолжаю возвращаться — надеваю на тело привычную мне одежду: джинсы, свитер, льняное пальто, шарф и ботинки. Беру кофе и собираюсь уйти, но меня останавливает мой агент.

— Мэделин, пришло предложение о новой роли для тебя.

— Какой жанр? Какая роль? Что нужно делать? — спрашиваю, ощущая приятное возбуждение от того, что мной заинтересовались.

— Драматический триллер, — отвечает он, листая сценарий на планшете. — Роль бывшей жены заключенного с серьезными проблемами. Я выслал тебе сценарий для ознакомления, и если тебе понравится, то можем поехать на пробы.

— Обязательно все посмотрю, — утверждаю я. — Есть что-то, о чем стоит заранее знать?

— Постельные сцены и кровь.

— Вместе или по отдельности?

— По отдельности, — улыбается он. — Режиссер ясно намекнул, что хочет именно тебя.

— Я поняла, — киваю я, делая глоток кофе. — Учту это при прочтении сценария и постараюсь полностью влюбиться в героиню.

— Не сомневаюсь в тебе, Мэдди.

— До встречи, Чарли.

Попрощавшись со всеми, я спешу на выход, желая как можно скорее оказаться дома, где смогу полноценно расслабиться и провести шикарный вечер в не менее шикарной компании: я, карамельный попкорн и какой-нибудь постапокалиптический сериал.

Порыв осеннего ветра путает мои волосы, которые тут же застилают мне обзор. Я останавливаюсь на секунду, пытаюсь свободной рукой выпутаться из этого *облака*, и, спрятав локонь, продолжаю идти к своей машине.

Наклонив голову, роюсь в кармане в поисках ключа, но из-за своих глаз, невнимательности или необоснованной то-ропливости, я не замечаю стоящего перед собой человека и впечатываюсь своей уставшей головой в его слишком твердую спину.

Ну, конечно, Мэдди, ты ведь не можешь дойти спокойно и без приключений от пункта «А» до пункта «Б».

Я дергаюсь назад, чтобы отстраниться, но что-то удержи-

вает меня, как будто я зацепилась. Рука со стаканом кофе оказывается прижатой к его темной куртке.

Еще рывок — и раздается резкий треск, будто лопнула ткань или пластик. В безымянный палец вонзают иглу — неприятная, острая боль вспыхивает под кожей. Кофе дергается в стакане, крышка съезжает, и теплая жидкость выплескивается мне на кисть.

Черт...

Я, наконец, освобождаю руку — и делаю полшага назад, пытаюсь одновременно не уронить стакан и не умереть от стыда.

Я смотрю перед собой, понимая, что этот человек, судя по его телосложению, может сейчас повернуться и послать меня за мой случайный проступок в такие *курортные* места, что мне и *не снились*.

— Ой, — все, что могу произнести, пытаюсь убрать шок с лица, смешанный со средним уровнем страха за свою жизнь. Затем выдаю то, что совсем не могло прийти в голову адекватному человеку в такой ситуации: — Хотите автограф?

Мэделин, черт возьми, Хэйл! Ты там ничего не перепутала? Все хорошо у тебя?

Я не понимаю, услышал он мое странное предложение или нет, ведь он лишь слегка поворачивает голову через свое плечо, будто его совсем не заботит то, что на его пути, а точнее, позади, появилась помеха в виде меня.

Мой взгляд проходится по тому, что мне позволяют рас-

смотреть. Капюшон закрывает волосы, и в свете уличного фонаря мне видна лишь часть его лица — правая щека, скула... и очень заметные ссадины на ней, будто он совсем недавно тесно познакомился с асфальтом.

Я хотела посмотреть что-то про зомби, людей, вышедших из катакомб, и вымершее человечество? А что, если прямо сейчас я столкнулась с представителем одного из вышеперечисленных классов?

От этой мысли появляется четкое ощущение, словно меня окунули в ледяную воду и посадили на электрический стул.

Он бросает на меня незаинтересованный, почти пустой взгляд, затем коротко кивает и, кажется, собирается уйти. Но потом добавляет хриплым, будто не привыкшим к разговорам, голосом:

— Прошу прощения.

Прощения? За что? За то, что я впечаталась в его спину? Или за то, что предложила автограф?

— Нет, это моя вина. — Я стараюсь скрыть волнение, но дрожащий голос и подрагивание всего тела — то ли от холода, то ли от его вида — выдают меня.

Я достаю руку из кармана, собираюсь сделать то, что делаю всегда, когда нервничаю, — покрутить кольцо на пальце.

И не чувствую его.

Секунду я просто смотрю на свой безымянный палец как на предателя. Лихорадочно обвожу взглядом землю и замечаю валяющийся у капота выгнутый металл. Приседаю, что-

бы поднять его, и вижу, как потерянные кроссовки мужчины делают шаги подальше от меня.

Наверное, это и правильно... Пусть уходит. *С моим везением — меня лучше сторониться.*

Но... какого-то черта мой голос продолжает пререзывать-ся:

— Пойдите!

Он останавливается, но не оборачивается.

— Спасибо.

Спасибо? За что? За то, что не убил? Или за то, что без причины извинился?

Видимо его не впечатляет необоснованная благодарность, потому что он продолжает свой путь, а я вдогонку бросаю еще парочку слов, которые должны снять груз вины с моих плеч:

— Мне очень жаль, что так произошло.

Вот теперь, должно быть, нормально.

Я смотрю на его спину, чувствуя дрожь во всем теле.

Какая-то странная ситуация, в ходе которой я совсем забыла о том, что нужно моргать, и сейчас ощущаю сильное жжение на слизистой, заставляющее слезу скатиться по щеке.

Проморгавшись, обхожу машину и сажусь на водительское сиденье. Достая из сумочки салфетки и начинаю усиленно тереть кисть, желая избавиться от липкости после пролитого кофе.

В один момент мой взгляд застывает на лобовом стекле,
а в голове застревает мысль:

Надеюсь, это был не сталкер...

Глава 3

МЭДДОКС КАТТАНЕО

неделю назад

*Когда вокруг слишком темно, найдется тот, кто
подожжет спичку и осветит твою дорогу.*

Первое и единственное место, куда я мог пойти после возвращения в город, — *наша* квартира. Место, которое хранит в себе слишком много и в то же время слишком мало.

Мне требуется сто двадцать восемь минут, чтобы решиться войти внутрь.

И вот я уже достаю из кармана ключи и рассматриваю потертый узор на брелоке, который раньше принадлежал Джен-

ни. *Стих с букетом небесно-голубых фиалок.*

Проведя шершавыми пальцами по цветам, в моей голове сразу же вспыхивает воспоминание о том, как Дженни с пучком на голове, в домашней одежде сидела на кухне и с помощью клеевого пистолета соединяла несоединимое. *А я смотрел на нее и думал — какая она прекрасная.*

Вставив ключ в замочную скважину, я слышу звук, характерный тому, что дверь открыта, и теперь я могу сделать этот чертов шаг в неизвестную мне известность. *Но каждое движение дается с огромным трудом.*

Я пересекаю порог, и в легкие мгновенно попадает запах сырости, пустоты и старой, раздирающей грудную клетку, боли. *В принципе, ничего не изменилось с момента, когда я был здесь в последний раз.*

Мой взгляд исследует пространство, в котором я пытался жить без нее.

Пытался, но не смог.

Ноги сами ведут меня по квартире, позволяя полноценно впитать в себя каждый серый оттенок.

Она повсюду.

В каждом предмете, за который цепляются мои глаза. В каждом глотке воздуха, который беспощадно травит легкие. *Везде.*

Но в то же время ее нет.

Нигде.

Я останавливаюсь в гостиной, где на стене все еще изоб-

ражен тусклый океан с потрескавшимися от времени волнами. На полу больше нет ни песка, ни надувного матраса, ни счастливых, любящих друг друга людей. *Только призрачная пустыня.*

Я отправляюсь в спальню, и мой взгляд начинает хаотично перемещаться с одного предмета на другой: платье оливкового цвета, не подходящие ей по размеру туфли, несколько разноцветных париков, расческа для искусственных волос и пустой флакон ее парфюма, валяющийся под столом рядом с пустыми стеклянными бутылками.

Бросив рюкзак на пол, опускаюсь на кровать, надеясь, что постельное белье пятилетней давности все еще хранит в себе *ее* запах.

Ложусь на спину. Переворачиваюсь на бок. А потом и вовсе утыкаюсь носом в ткань, желая услышать хоть одну, последнюю ноту, оставшуюся после нее. Но ничего не чувствую.

Ничего нет.

Пустота.

Она больше не разъедает.

Она не ломает меня.

Не ранит.

Она даже не болит.

Просто болеть нечему. *Это ведь пустота.*

Но так происходит ровно до тех пор, пока я не оказываюсь в комнате, закрытой на ключ.

Это единственная комната, которая не подверглась трансформации от моих рук и осталась почти «стерильной».

Комната, ставшая моим проклятым местом... Местом, где я в последний раз чувствовал ее *живой*.

Мольберт — *вот теперь боль на спусковом крючке*.

Подойдя к нему, я долго смотрю на обратную сторону, которая уже прилично-так покрылась паутиной, и одной рукой снимаю ее. Затем обхожу его, обращая все свое внимание на изображение, которое я создал, но так и не довел до совершенства.

Ее портрет — *вот теперь боль делает контрольный выстрел*.

Мои пальцы медленно поднимаются к ее лицу, осторожно проводят по недорисованным линиям, испорченным тем днем и пройденными годами.

Я неотрывно смотрю на ее глаза, которые не кажутся живыми — в них больше нет ничего... *нет блеска, нет надежды, нет счастья*.

Пятно, которое осталось на ее коже от черной краски, вырисовало черную полосу и в моей жизни. *Я сам его создал. И я сам же выбрал для себя такое направление, зная, что другого — не заслуживаю*.

Ощувив прилив ярости, резко заполняющий мой разум, я отшатываюсь и сжимаю свои ладони в кулаки.

Желание выплеснуть все, что сейчас накаляется внутри, долбит по вискам.

Единственное средство в борьбе с этой неконтролируемой эмоцией — нанести вред другому. Это то, что помогало мне, когда я находился в камере, *но теперь...*

Теперь мой кулак просто несколько раз впечатывается в стену.

Но в одну секунду защитные механизмы моей психики не выдерживают и дают сбой, и я превращаю все, что вижу на своем пути в разрушительную катастрофу.

Перевернутый стол с треснувшей ножкой. Разбитое зеркало со следами моей же крови. Разбросанные вещи, порванная на лоскутки одежда. *Безуспешные попытки вернуть себе контроль.*

Свинцовое дыхание. Пульс в висках, разрывающий мозг с каждым новым ударом. Дрожь на кончиках пальцев.

Невозможно.

До рези в легких невозможно больше здесь находиться.

Слишком тяжело. Чересчур. Катастрофически.

Если в месте, в котором я был до этого, я мог частично отключаться, смотря на окружающую меня среду и людей, то здесь... видя все, что связано с ней, я понимаю, что не вынесу этого.

Проще с разбегу выбросить свое тело из окна, нежели принять тот факт, что я все-таки смогу жить в этой квартире.

Мне нужно на воздух.

Мне нужно уйти.

И я должен сделать это как можно скорее.

Схватив рюкзак, я вылетаю на улицу, желая почувствовать леденящий внутренности холод. Подставив лицо небу, я делаю жадный вдох, а потом растираю ладонями влажную от дождя кожу, веря, что это поможет мне вернуться в привычное состояние.

Вдох. Выдох. *Покой.*

Вдох. Выдох. *Принятие.*

Вдох. Выдох. *Контроль над своим телом.*

Но не над мыслями.

Сев на ступеньки, я пытаюсь разобраться в себе и найти в голове ответы на вопросы, которые сейчас горят ярко-синим пламенем перед моими глазами: *«Кто я? Что я? Как жить? Чем дышать?»*

Но их нет. Пусто.

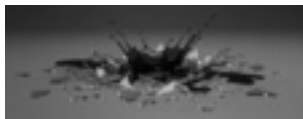
Дрожащей рукой вынимаю из кармана пачку сигарет, открываю ее и достаю единственный яд, который могу себе позволить. Поджигаю кончик и делаю сильную затяжку, ощущая, как дым табака проникает глубоко в легкие.

Она просила меня научиться жить, но это кажется невозможным — *ни тогда, ни сейчас...*

Единственное, что действительно в моих силах, — попробовать не сойти с ума еще сильнее.

Ладонь ныряет в карман рюкзака и достает смятую, грязную бумажку. Расправив ее, поднимаю чуть выше и всматриваюсь в адрес места, куда я должен идти дальше.

Место, с которого должен начаться стратегический путь Мэддокса Каттанео по стези правосудия.

Я плетусь по влажным и засаленным тротуарам, где грязь смешалась с лужами после вечернего дождя. Круглосуточ-

ные магазины горят разноцветными гирляндами и неоновыми вывесками, заливая улицу электрическим светом.

Пыльные окна кафе и забегаловок отражают в себе бегущий поток машин, а запах городского асфальта, уличной еды и выхлопных газов смешивается с порывами прохладного ветра.

Пройдя несколько миль, я оказываюсь у придорожного кафе с замызганной витриной. Смотрю на вывеску, затем на адрес, указанный на стене, и понимаю, что мне нужно именно сюда.

Едва коснувшись двери, слышу за спиной знакомый мужской голос:

— Придержите, пожалуйста, дверь!

Не оборачиваясь, я автоматически открываю, впуская парня, который держит в руках массивные коробки.

Я окидываю взглядом кофейню и замечаю внутри маленькую темноволосую девочку, лет шести. Она сидит за одним из столиков и, высунув язык и нахмутив брови, увлеченно рисует что-то цветными маркерами в альбоме.

Видимо, я ошибся.

Девочка отрывает взгляд от своего занятия и, немного склонив голову, рассматривает меня. Огромные карие глаза изучают меня с ног до головы. Хмурость проскальзывает на ее лице.

Не хватало еще детской истерики. Отворачиваюсь — мне нужно уйти.

— Там очень холодно. Вы можете замерзнуть, — кричит девочка, вынуждая меня остановиться в дверях.

Я замираю. Рука все еще лежит на холодной металлической ручке. Девочка спрыгивает со стула и, подбежав ко мне, останавливается сбоку.

Мои глаза опускаются вниз и замечают детский взгляд, наполненный подозрением.

— Папа сказал, что нельзя выходить без шапки. Вы же без шапки? — добавляет она с тем же серьезным видом.

Я вздыхаю.

Неловко. Ненужно.

Но почему-то оставить это без ответа не получается:

— Мне уже пора.

— Неправда, — отвечает девочка.

— Рейвен, ты все сделала?

Шум со стороны заставляет меня перевести внимание на парня. Капли дождя стекают по его светлым волосам. Лицо влажное по той же причине, а голубые глаза светятся чем-то живым — редкостное зрелище для таких, как я.

— Папочка, я уже давно все сделала. — Она поворачивается к нему и широко улыбается, словно на ходу придумывает версию детской лжи.

— А если я проверю? — интересуется он, прищурившись.

— То мне придется срочно бежать отсюда. — Она отпускает меня и бегом отправляется обратно за стол.

Когда мы остаемся наедине, парень растягивает губы в

улыбке и намеревается подойти ко мне, но я слегка качаю головой, намекая, что этого делать не стоит. Дружеские объятия и прочие телесные контакты — чересчур человеческая черта, которая для меня под запретом.

— Рад, что ты пришел, — по-доброму говорит он. — Тебя можно поздравить?

— Я думал, это была шутка, Джаспер, — спрашиваю я, проигнорировав его вопрос.

— Что я теперь работаю в кафе? — хмурится он, но тут же криво усмехается. — Нет, я же должен придерживаться образа порядочного гражданина и выглядеть максимально безобидно. Не хотелось бы, чтобы на меня косо смотрели.

Уголок моей губы едва заметно дергается.

— Возьми, — говорит он, протягивая мне полотенце. — И тебе не помешает что-нибудь выпить. Пошли.

Я иду следом за ним к бару. Сажусь на высокий стул и вытираю мокрое лицо, руки и волосы полотенцем.

— Как ты, Мэддокс? — спрашивает он, вкладывая в свой вопрос немного больше смысла, чем кажется на первый взгляд. — Все в порядке?

— Да, — коротко отвечаю я и, услышав сбоку радостный вопль, перевожу взгляд в сторону, обращая внимание на смеющуюся девочку.

— Это Рейвен, — объясняет Джаспер, переведя взгляд на девочку. — Она у меня вроде местного детектора лжи — обладает врожденной особенностью чувствовать хороших лю-

дей. И то, что она подошла к тебе, — признак того, что она считает тебя хорошим. А то, что... — его отвлекает телефон, и он, извинившись, уходит.

Решив, что мне все-таки сейчас следует уйти, я поднимаюсь со стула и поворачиваюсь, видя перед собой эту маленькую девочку — она преграждает мне путь.

Она ведь только что сидела за столом.

Теперь же Рейвен стоит, скрестив руки на груди, и топает ногой, будто застукала меня за чем-то *противозаконным*.

— Сэр, так нельзя делать, — говорит она, качая головой.
— Нужно сначала попрощаться, а потом уходить.

— Мне нужно идти, — отвечаю я, стараясь звучать менее агрессивно, чтобы не напугать ее.

— Я вас не отпущу, пока вы не попрощаетесь с папой! — Она подбегает и заключает меня в объятия.

Перезагрузка. Сдерживание. Пауза.

Тишина. Задержка дыхания. Паралич.

Я начинаю задыхаться, чувствуя слишком много контакта с человеком. *Маленьким человеком с чистой душой.*

Грудь сковывает странное чувство, которое расползается по телу, ударяя в самый главный орган воспоминаниями о жизни.

Тепло. Слишком тепло. Слишком не для меня.

— Извини... — звучит голос Джаспера, и я надеюсь, что его дочь отлипнет от меня, но она только крепче прижимается ко мне. — Рейвен, ты что... Ты опять?

— Что, папочка? Он хотел уйти, а я его задержала. Я ведь молодец, правда? — интересуется она, отпуская меня и подбегая к своему папе.

— Молодец, Рейвен, — улыбается он, обнимая ее за плечи, а потом наклоняется к ее уху и что-то шепчет, из-за чего девочка смотрит на меня, показывает язык и убегает обратно к своему столу, а Джаспер качает головой, смотря ей вслед. — Прости за нее. Она бывает невыносимой.

— Ты не говорил, что у тебя есть дочь, — сухо произношу я.

— Не смешиваю работу и личное, — отвечает он, опуская глаза в пол. — Но иногда бывают казусы, как, например, сегодня. Няня заболела и взяла больничный.

Он делает паузу и подходит ближе ко мне.

— Вопрос с жильем решен, — говорит он, протягивая мне папку. — Уже можешь заселяться. Насчет работы обо всем договорился — с завтрашнего дня можешь приступить. Все остальное — по ранее оговоренному плану. Главное — веди себя, будто ты в порядке, и не привлекай к себе больше внимания, чем положено.

— Для чего ты это делаешь? — спрашиваю я, склонив голову набок.

— Ради нее, — отвечает Джаспер, бросив взгляд на свою дочь. — И у нас с тобой есть кое-что общее.

Ради нее...

— Ну и так, для сведения, Мэддокс, я тоже люблю, когда

настоящие ублюдки сидят за решеткой, а не в кожаных креслах.

В этом мы похожи.

— Чуть не забыл, — добавляет он, отходя к барному столу и, схватив там что-то, возвращается ко мне. Он бросает мне связку ключей и выдает: — Теперь это твоя тачка. Немного убитая, но максимально непримечательная. Как раз под твой стиль.

— Спасибо.

— Спасибо? Мэддокс, ты не должен благодарить меня за это. До встречи.

Кивнув ему, я выхожу на улицу и, остановившись под навесом, рассматриваю ключи, что лежат на ладони. Палец нажимает на кнопку и неподалеку мигает свет фар старого минивэна. Глухой щелчок замков разрезает тишину.

Машина выглядит так, будто пережила больше, чем я.

Подхожу ближе — ржавчина на капоте, вмятина над левой фарой, рваный пластик на бампере.

Забавно. Он прав — максимально непримечательная. Машина, на которую никто даже не посмотрит дважды.

Я опускаюсь на водительское сиденье. Старая ткань пахнет пылью и чем-то сладковато-затхлым. Пальцы находят замок зажигания. Полоборота — стартер кашляет, потом все-таки оживает дрожащим, но уверенным урчанием.

Как раз под мой стиль.

Глава 4

МЭДЕЛИН ХЭЙЛ

настоящее время

Каждая случайность имеет свою закономерность.

И это вызывает у меня желание кричать «какого, черт возьми, черта?!»

Подровнять концы у лучшего мастера в Нью-Йорке — это гениальное решение? Или... *нет, это безумное решение...*

Особенно, когда этот мастер — лучшая подруга, которая выделила для меня «идеальное» время в своем плотном графике.

Пять утра? *Да она ненавидит меня...*

После ночи в компании ноутбука и сочувствующего наблюдателя — банки безалкогольного пива — я чувствую себя так, будто меня избили битой Люсиль⁵.

Зато мое настроение можно оценить приблизительно на двоечку из десяти. Это ведь плюс, правда?

Остановившись на светофоре, я опускаю голову на рулевое колесо, желая еще немного *доспать*. Но громкий гудок позади вынуждает меня слишком резко подняться и распахнуть глаза, а сердце — начать отбивать истеричный ритм.

Бросаю взгляд в зеркало заднего вида, потом на зеленый свет и продолжаю движение, чтобы не задерживать чрезвычайно торопящихся куда-то людей.

Подъехав к салону, я оставляю машину неподалеку и направляюсь к небольшому зданию. Как только я оказываюсь внутри, меня встречает Пенелопа — ее руки тут же нападают на меня с объятиями. *Все-таки она любит меня.*

— Я опоздала? — спрашиваю я и, отстранившись от нее, стягиваю со своего тела верхнюю одежду.

— Приехала на три минуты раньше, — прищурившись, отвечает она. — Ты ведь знаешь, что для тебя я найду минутку в любое время суток.

— Даже если эта минутка будет очень и очень рано, — подытоживаю я, занимая место в кресле.

Пенни всегда была такой энергичной и оптимистичной.

⁵ Люсиль — деревянная, обмотанная колючей проволокой, бейсбольная бита главного антагониста сериала «Ходячие мертвецы» Нигана Смита.

Мы познакомились три года назад, когда я чувствовала себя уже более-менее «своей» в Нью-Йорке.

Эта встреча была впечатляющей — я вернулась домой за телефоном и *застукала* ее носки с клоунами под столом, за которым сидел мой сводный брат. Они тогда имели статус что-то типа «отношения без обязательств», но при этом обзывали друг друга к регулярному и очень громкому сексу.

Но потом их отношениям пришел конец, и в результате у меня появилась лучшая подруга, а у брата — бывшая, которую он, возможно, никогда не забудет. *Как о ней забыть, если я постоянно о ней напоминаю?*

— Что будем делать? Боб? Бритые виски? Или, может, перекрасим твои локоны в оранжевый? — интересуется Пенни, смотря на то, как резко меняется выражение моего лица в отражении зеркала.

— Чего?

— Я проверяла: ты меня слушаешь или нет, — отвечает она, поднимая мои волосы и накрывая тело защитным пеньюаром.

— Конечно я тебя слушаю. Приблизительно вот так, — говорю я, показывая длину.

— У тебя кто-то есть, и я об этом не знаю? — спрашивает она, наклонившись к моему уху.

— Новая роль? — кидаю вариант, не понимая, к чему она задает этот вопрос.

— Я не об этом.

— Нет, Пенни, у меня никого нет, — повторяю я со вздохом. — Если бы кто-то и появился, ты бы, наверное, тут же организовала грандиозную вечеринку, где среди гостей была бы приглашенная звезда, а в бассейне плескалось бы шампанское.

— Неправда... только текила, и никак иначе.

— Очень смешно, — говорю я, закатив глаза.

— Я знаю, что тебе нравится, когда я шучу, — улыбается Пенни, приступая к выполнению того, что у нее получается лучше всего в этой жизни.

Когда отрезанные локоны медленно спадают, я неосознанно вспоминаю маму. С детства она сама стригла мне волосы и говорила: *«Волосы — это самое чувствительное место, они хранят энергию. Срезая их, ты сбрасываешь тяжесть накопленных переживаний»*.

Это всегда работало — облегчало мое состояние. Или я себе придумывала это. И сейчас я искренне надеюсь, что этой стрижкой удастся прогнать тревожные мысли, которые без всякой причины теснятся в моей голове.

Чувствую, как меня трясут за плечо, и открываю глаза.

Я что, уснула? Серьезно?

— Мне говорили, что я потрясающий мастер, но чтобы прям настолько, — смеется Пенни.

— Просто не выспалась, — отвечаю я и, ощутив странную влагу на подбородке, вытираю ее.

— Это из-за твоей работы, Мэд, — говорит Пенни, про-

водя по моим локонам пальцами с каким-то средством, которое заполняет все вокруг сладким ароматом дыни. — Тебе нужен отпуск или сон.

— Это ты мне говоришь? — зевая, спрашиваю я.

— Забыли.

— Я не могу нормально спать, потому что мне снятся какие-то странные кошмары с участием мужчин.

— А вот это уже из-за недотраха, Мэдди, — легкомысленно бросает она, указывая расческой на мое отражение.

— Пенелопа Итта Вайз⁶!

— Да-да, юмор у меня от моих родителей. Приятно, что ты помнишь мое полное имя, — говорит она, закатывая глаза. — Но давай лучше остановимся на Пенни, ладно?

— Мой «недотрах» в полном порядке, — выдыхаю я.

— Ну вот, когда ты в последний раз была удовлетворена? — спрашивает она, положив руки на спинку кресла. — Так, чтобы твои стоны оглушали мужчину, а ноги на следующий день с трудом доставляли тебя из одного пункта в другой.

Я задумываюсь о том, когда у меня в последний раз был опыт с мужчинами, и понимаю, что это было с Дастином — моим бывшим парнем, который бросил меня из-за моей работы (*читать как «ему нужна была причина, чтобы уехать в Новую Зеландию, не оставив в Нью-Йорке ничего отяже-*

⁶ Пенелопа Итта Вайз (Пенни Вайз) — отсылка к клоуну Пеннивайзу из романа Стивена Кинга «Оно». Второе имя Итта служит аллюзией на английское It («Оно»).

ляющего»).

— Надеюсь, ты в красках вспоминаешь вчерашнюю ночь?
— интересуется Пенни, но, не получив от меня никакого ответа, качает головой и с ноткой огорчения продолжает: — Дастин?

Я вскидываю брови и поджимаю губы.

— Во-первых, я тебе говорила, что он придурок? У него по лицу это было видно с самого начала. Во-вторых, женщина, да вы святая! — Она демонстративно поднимает руки вверх и поклоняется мне, будто после моих слов над моей головой начали летать облаченные во все белое ангелы. — Я поставлю за тебя свечку в церкви.

— Ты не ходишь в церковь, — смеюсь я, снимая с себя пеньюар.

— Ради тебя схожу, Мэдди, — говорит она, поправляя мои волосы, и, немного помедлив, продолжает: — Это нужно отметить.

— Отсутствие регулярного секса в моей жизни? — интересуюсь я, вопросительно приподняв бровь.

— Твой новый образ, детка.

— Три дюйма? — уточняю я и, рассматривая свое отражение, провожу пальцами по волосам.

— Чем не повод для праздника? — смеется она.

— Куда пойдем?

Она молчит, обдумывает что-то, после чего ее губы растягиваются в улыбке на все имеющиеся зубы, и она уходит к

столику. Вернувшись, она протягивает мне визитку.

— На днях ко мне на стрижку приходил один заряженный мужчина. Он оказался владельцем невероятно крутого клуба, который только открылся. Мы, конечно же, с ним переспали, но я не хочу давить на твою одевственневшую психику красочным рассказом о нашем божественном сексе, — говорит она, а я закатываю глаза, уже не сдерживая улыбку.

Я знаю, что это ложь. Хоть она и «kozyряет» образом легкодоступной девушки, объясняя, что так проще существовать в современных реалиях, но, кажется, ее настоящие отношения закончились еще задолго до нашего знакомства...

— Пойдем? Может, после этого похода тебе удастся хорошенько *выспаться* с каким-нибудь красавчиком и удовлетворить свою овуляцию.

— Пришли адрес, я приеду.

— Я тебя люблю, милая. — Она подлетает ко мне и закрывает в объятия. — Только там определенный дресс-код.

— Моя одежда не подойдет? — интересуюсь я, осматривая свой внешний вид.

— Не-а. — Она поджимает губы и качает головой. — Нужно дать много секса, а ты с такой регулярностью можешь выдать только образ монашки.

— Обожаю твой тупой юмор.

— А я — то, что ты его понимаешь, — лепечет она, хлопая глазами. — Я заеду за тобой на такси и привезу что-нибудь блестящее, что будет за милую кричать о твоей сексуальности.

— Не представляю, как проживу это время без твоих шуток, — произношу я, приложив ладонь к груди.

— Буду баловать тебя мемами из интернета.

Сидя на диване перед телевизором, который ничем не привлекает меня, я стучу пальцами по подушке и прокручиваю в голове одну сцену из сценария, отправленного Чарли, которая будет меня триггерить.

Мне предстоит несколько минут просидеть в закрытом контейнере.

Как я сделаю это — пока что мне неизвестно. Но точно знаю, что я обязана справиться.

Засмотревшись на рекламу аппетитного мороженого на экране, я слышу, как в дверь раздается стук, который вынуждает меня громко крикнуть:

— Открыто!

— Мэд, ты что, не запираешь двери? — спрашивает Пенни, входя в квартиру с огромным пакетом, в котором, вероятно, сложена половина ее гардероба.

— Да.

И вот она — причина, по которой меня пугает та сцена из сценария.

Удивительно-странный факт, которой мало кто знает о Мэделин Хэйл: я не могу находиться и спать в помещении, где закрыты двери. *Знаю, я неадекватная...*

Мне кажется, это тянется с тех пор, как в десять лет, будучи в лагере, мы играли в прятки.

Я случайно заперлась в темной комнате, которая оказалась складом с непортящимися продуктами. Меня нашли только спустя сутки, хотя я кричала и звала на помощь. Конечно, потом выяснилось, что мне *немного помогли* — закрыли дверь снаружи...

После всего этого мама водила меня к психологу, который сказал, что со временем все пройдет. *Но не прошло до сих пор.*

— А если к тебе придет маньяк? — интересуется Пенни, ставя пакет на пол. — Это же страшно.

Не страшнее, чем впасть в панику от ужаса быть взорванной...

— Если он будет в маске убийцы из «Крика»⁷, а под его мантией будет *что-то* горячее, я предложу ему чай с круасанами, — отвечаю я, мило улыбнувшись.

— Ну, в таком случае не забудь меня позвать, — смеется она, но тут же хмурится, окидывая меня удивленным взглядом. — Ты почему не собралась?

⁷ «Крик» — это культовый американский слэшер-фильм 1996 года режиссера Уэса Крейвена, в котором злодей носит маску убийцы — белую маску в виде искаженного лица с отвисающим ртом и большими глазами.

— Ты же сказала...

Она, к слову, принарядилась так, словно мы не в клуб собрались, а на какую-то оргию для тех, кому за двадцать один.

На ее шикарной фигуре сидит провокационный леопардовый костюм, шорты которого обнажают слишком много кожи. Светлые волосы завязаны в пучок, а на лице раскрас с хэштегом *«блестеть будет все»*.

В принципе, Пенни всегда выглядит потрясающе — будь то джинсы оверсайз и толстовка или откровенный наряд, как сейчас.

— Макияж, Мэдди, — уточняет Пенни, указывая на мое лицо.

— Моя косметичка все еще лежит на столике в квартире Билли, — сообщаю я, пожимая плечами. — У меня есть только блеск для губ и гель для бровей.

— Благодарю Господа, что у тебя такая предусмотрительная подруга, — ухмыляется она, доставая из сумочки небольшую косметичку.

— Пойдем в церковь вместе? Я тоже поставлю свечу за тебя, — пародирую ее, поднимаясь с дивана. — Ты не замерзнешь? — спрашиваю я, заметив вблизи, что на ее ногах нет ничего согревающего.

— Я планирую согреться в чьих-то объятиях сегодня, а если не повезет... просто буду много пить, — отвечает она, направляясь на кухню и раскладывая на стол оружие для создания совершенства. — Все, давай творить магию.

И она сотворяет со мной то, что я и так часто вижу, когда нахожусь на работе. Черные стрелки, густые ресницы, подкрашенные тушью, растушеванные темным карандашом губы и очень много хайлайтера — *чтобы мою сексуальность было видно за милю, да-да.*

Закончив с моим лицом и волосами, она демонстрирует варианты одежды, которую вряд ли надевают в общественных местах.

— А это точно для клуба? — интересуюсь я, рассматривая разложенные на диване вещи. — Ну, я имею в виду, что в таком виде я могу уже на входе предлагать прохожим посмотреть на цвет моих трусов.

— Ты что в трусах пойдешь? — наигранно удивляется она.

— Ха-ха, Пенни, — сарказмирую я, закатывая глаза.

Я подхожу к шкафу и выуживаю оттуда маленькое черное платье с открытой спиной, которое идеально подчеркивает мою фигуру. Оно выделяет все, что нужно, но при этом не выглядит чересчур *говорящим.*

— У тебя оказывается есть нормальные вещи!

— Выключи свой абьюз, Пенни Вайз.

Я подхожу к туалетному столу, где стоит мой любимый парфюм с нотами карамели и корицы. Несколько пшиков на волосы, на зону декольте и на запястья. *Идеально.*

— Ну что, сегодня в твои планы входит допущение кого-то на частную территорию? — спрашивает Пенни, вновь

вызывая желание закатить глаза.

— Мне сейчас закатить глаза? Или дожждаться, когда мы окажемся в этом твоём «крутом» клубе? — спрашиваю я, беря в кавычки слово «крутой».

— Надеюсь, твои «закатанные глаза», — говорит она, дублируя мои движения пальцами, — увидит кто-то противоположного пола.

В клубе все выглядит не так плохим, как я предполагала. Место вполне уютное, и даже гроыхающая музыка не мешает мне чувствовать себя комфортно и расслаблено. *Или же это просто текила решает утихомирить меня и мою голову.*

После третьего коктейля Пенни снова начинает затрагивать любовную тему — *спасибо, что не связанную со мной,* — рассказывает о том, что возможно, была бы не против возобновить недоотношения с Билли. Но я знаю своего сводного брата слишком хорошо, так как прожила с ним приличное количество времени после переезда в Нью-Йорк.

Он не из тех, кто будет давать второй шанс и разворачивать к себе людей, которые однажды от него отвернулись.

Но мне не приходится долго думать об этом, потому что

внимание Пенни плавно смещается на парня, который сидит за соседним столиком, и то и дело бросает на нее взгляды, сжигающие всю одежду. Он явно надеется на то, что ему что-то перепадет. *А ему, возможно, и перепадет.*

А потом, какого-то черта, разговор переходит на мою личность, и Пенелопа уже ищет живой экземпляр для *дегустации* моего образа.

— Это поможет тебе раскрепоститься, — говорит она, бросая в рот дольку лайма.

— Я и без этого могу быть раскрепощенной.

— Мэдди... — Пенни откидывается на спинку диванчика и подзывает меня пальцем. — Я делала тебе макияж не для того, чтобы только я могла им любоваться.

— Я тоже им люблюсь, — отвечаю я, пожав плечами. — На фотографиях и в отражении зеркала.

— Не нуди, давай развлечемся.

— Мне это не нужно, — отвечаю я, прокручивая в пальцах коктейльную трубочку.

Но это ведь Пенелопа... и ей кристально плевать на мое «не нужно»...

— Вот этот как тебе?

Она указывает на парня у стойки, который выглядит так, будто только вернулся из дальнего плавания и жаждет покорить всю женскую половину населения.

— Не мой тип.

— А этот? — ведет взглядом к мужчине, которому на вид

чуть больше сорока.

— НЕТ!

— Ладно, я поняла. Троп «разница в возрасте» тебя не вставляет. Пошли подышим воздухом.

Она поднимается, поправляет шорты и, схватив меня за руку, тянет на улицу.

Оказавшись на свежем воздухе, я мысленно благодарю окружающих за то, что они все не подходят, потому что Пенни молчит.

Я даже успеваю несколько десятков секунд порадоваться, но ее вопль-полустон «о, да» и улыбка на губах означают то, что она нашла *идеальную* кандидатуру.

— Как тебе этот? — спрашивает она, кивая в сторону, где стоит парень, прислонившись спиной к стене. — Вроде ничего.

На его голове капюшон, поза кажется уверенной, но из-за освещения, моего легкого опьянения или же всего вместе, я понимаю, какую на этот раз отмазку мне придумывать.

— Я не вижу его лица.

— Я вижу. Он красавчик, — шепчет она. — Пять минут разговора. Живая импровизация. Попроси у него... — она задумывается и бросает на него косой взгляд, параллельно поправляя мои волосы, — ...сигарету. Если даст — с меня пятьсот долларов. Если нет — с тебя тысяча девятьсот восемьдесят.

— Пенни!

— Что? Мне за аренду нужно платить.

— Жвачку дай. От меня несет, как от неблагополучной женщины.

— Чем тебе арбузная свежесть поможет? — недоуменно спрашивает она, читая надпись на обертке, а затем протягивает мне пластинку.

— Смелости добавит.

— Жги, милая, — подбадривает она, буквально толкая меня в его сторону.

Какая дурацкая идея...

Но я все равно иду. И...

...как жаль, что я не могу отмотать время назад, схватить Пенни за щеки и кричать во весь голос ей в лицо, что ЭТОТ парень тоже не подходит.

Потому что он — тот, кто меня до чертиков напугал тогда своим внешним видом. Он — тот, кто, скорее, потушит о мой лоб сигарету, чем обратит на меня свое внимание.

Такое разве возможно? Клуб находится в десятках миль от места, где я видела его в прошлый раз. Шанс случайно пересечься с ним в Нью-Йорке ничтожен, *но не равен нулю.*

И вот оно это... *неравенство.*

Проведя языком по верхним зубам и спрятав жвачку под щеку, я останавливаюсь перед ним и скрещиваю ноги между собой, отчаянно пытаюсь привлечь его внимание хотя бы к ним.

Но ему так все равно.

Он как будто существует в своей вселенной, где красивые девушки — это прозрачные девушки.

Так, лучше я пару минут буду позориться, чем лишусь своих же денег.

— Угостишь сигареткой? — прочистив горло, начинаю разговор.

А поздороваться ты не хочешь, Мэдди?

— П-привет, — говорю и тут же желаю шлепнуть себя по лицу.

Не знаю, текила «отупила» мой мозг или я всегда была такой...

Он молчит. Делает вид, будто меня здесь нет.

Или музыка оглушила его так сильно, что он не слышит мой голос? А светомузыка ослепила настолько, что он видит вместо меня какое-то серое пятно? А был ли он вообще внутри этого клуба?

— Эй, ты меня видишь? — спрашиваю я и, наклонившись, машу ладонью перед его лицом. — Неужели так сложно ответить, когда с тобой разговаривает леди? — Я отбрасываю волосы назад и обиженно дую губы.

Я себя уже выбеживаю... Чувствую себя мухой, севшей на его нос, от которой он не в восторге.

— Леди не ведут себя так, — наконец, произносит он.

Всего секунда... всего на одну секунду он обращает на меня внимание, после чего снова переводит взгляд в сторону и делает очередную затяжку, выпуская тучку дыма из своего

рта.

— О, ты все-таки обладаешь этой человеческой суперспособностью! — продолжаю *шедеврально* вести диалог.

Идиотка.

— *Леди*, — обращается ко мне, и от его тона мурашки выпускают свои лапки и щипают меня за кожу.

Он смотрит мне в глаза. Задерживается на лице непозволительно долго, а потом скользит по моей фигуре, уделяя каждой нужной и не очень детали свое драгоценное время.

Так холодно становится. Я же должна сгореть от стыда, а не замерзнуть от неловкости.

— Может, отстанешь от меня?

И я бы с удовольствием, но мне нужно доиграть эту сцену до конца и убедить тебя дать мне эту дымящуюся шутку.

— Отстать? — хмурюсь я. — Парень, я ведь попросила тебя дать мне сигарету, а не нагнуть прямо здесь и отлюбить... — тут же прикрываю ладонью рот, не успев остановить выпад, который явно был лишним. *Как и мое рождение...*

Но мои слова, кажется, нисколько его не впечатляют.

Ни улыбки, ни искорок в глазах, ни вскинутых в удивлении бровей — ни-че-го.

Теперь я начинаю сомневаться в своей самооценке.

Он смотрит на меня так, словно я говорю ультразвуком, который он не слышит. И меня, какого-то черта, задевает это. *Я что, так плоха в импровизации? Так, ладно, если уж*

позориться, то делать это до самого конца.

Убрав руку с губ, я подхожу к нему почти вплотную и поднимаю взгляд к его лицу — *и да, Пенни права... Он красивый, серьезный, будто у него драма вместо крови течет, но красивый.*

Моя ладонь невесомо скользит по его груди — не касаюсь, просто трогаю воздух.

— Хотя, если ты хочешь, я не против показать тебе свои таланты.

И что я ему покажу? Расскажу монолог Мэгги из пьесы «Кошка на раскаленной крыше»⁸, который помню до сих пор?

— Хочешь?

Я поднимаю дрожащую ладонь к его щеке, где виднеются ссадины, осторожно провожу по грубой коже, а затем обхватываю пальцами сигарету и вытаскиваю из его рта. Подношу к своим губам, вставляю ее между зубами — не травлю себя, но ощущаю языком холодок ментола.

— Спасибо, молчаливый парень, — выдыхаю с усмешкой.
— Ты только что сохранил мой баланс.

Хочу похлопать по его груди и попрощаться с ним навсегда. Но, видимо, в какой-то момент я погорячилась...

Очевидно, в тот, когда согласилась приехать в этот клуб...

Он слишком быстро реагирует — хватает меня за запястье и сдавливает его пальцами так сильно, что кисть почти немеет. Резко разворачивает меня и прижимает к бетонной стене — от неожиданности я бьюсь затылком о каменную поверхность, тут же ощущая яркую вспышку боли.

⁸ «Кошка на раскаленной крыше» (Cat on a Hot Tin Roof, 1955) — одна из самых известных пьес Теннесси Уильямса, исследующая тему самообмана, сексуальности и семейных конфликтов.

Я расширяю глаза в удивлении (*скорее, в страхе*), тяжело дышу, будто мне осталось жить около минуты, и смотрю на его непроницаемое лицо.

Он так рассердился из-за сигареты? Господи...

Моя грудь вздымается так часто, что кажется, платье или легкие могут не выдержать такой энергичной «зарядки».

Его взгляд направлен в мои глаза — уверена, там читается паника. А в его — мелким шрифтом прописана злость, печаль, агрессия, отчаяние, усталость — и это все проносится каскадом.

Он наклоняется к моему лицу.

Я пытаюсь отвернуться, но шейные позвонки застывают, не позволяя мне делать лишние движения.

— *Никогда, — цедит сквозь зубы, лишь сильнее сжимая мои запястья, — не смей, — продолжает, не разрывая зрительного контакта со мной, — меня, — выдыхает шепотом, — трогать.*

— Докс, — звучит неподалеку — кажется, справа, очень близко к нам.

Этот парень не реагирует. Он продолжает сверлить мои глаза, будто и впрямь предпочел бы просверлить их чем-то острым.

— Если ты позиционируешь себя как *леди*, — сухо говорит он, — будь добра, води себя соответственно. И не предлагай первым встречным услуги, в которых они не нуждаются.

— Но... все не так. Я ведь...

— А если все-таки хочешь, чтобы тебя нагнули и трахнули... — говорит он, кивая в сторону. — Иди к тем, кто уже сделал это глазами. Я — очень плохой вариант.

— Докс! — звучит чуть громче, и хватка ослабевает.

В следующую секунду он отстраняется от меня, магическим образом позволяя мне остаться в вертикальном положении.

Мои колени содрогаются, будто чашечку щекочат невидимые пальцы. В груди разрастается тревожно-пульсирующая смесь, заставляющая сердце очень быстро сжиматься и разжиматься.

Я пытаюсь сглотнуть скопившуюся слюну, но из-за страха подавиться ею, просто держу ее во рту.

Он смотрит на меня, затем снова хватает за запястье и, приподняв его на уровне моего лица, вырывает из онемевших пальцев сигарету.

— Не травми себя, — говорит он и, обломав тлеющий кончик, отшвыривает яд в сторону. — Тебе это не нужно.

Я предполагаю — *нет* — я хочу, чтобы после этих слов он скрылся с поля зрения, но этот безумный парень делает совершенно непостижимое, учитывая сказанное им же. Он стягивает с себя куртку, оставаясь в одной черной футболке, и бросает ее мне в руки.

— Здесь холодно. Оденься, — последнее, что он говорит прежде, чем выполнить то, о чем я минуту назад мечтала,

— уйти.

Удивлена ли я тем, что только что произошло? *На процентов восемьдесят девять.*

Я в очередной раз убедилась, что «пьяные игры» не приводят ни к чему хорошему. У каждого человека своя жизнь, свои переживания, и никакая мимо проходящая особа с минимальным набором интеллекта — *да, именно такой я себя и чувствую сейчас* — не сможет скрасить вечер или заполнить то, что опустело внутри — *а он именно так и выглядит.*

Руки дрожат, пальцы сжимают ткань его куртки. Мне так холодно и неприятно от самой себя.

— Что это было? — спрашивает Пенни, подойдя ко мне.

Удивительно, что она не подошла ко мне тогда, когда этот *безумец* прижал меня к стене... *Или она подумала, что у нас слишком быстро наступила стадия страсти?*

— С тебя пять сотен, Пенни, — монотонно говорю я, неотрывно смотря в сторону, где скрылся парень. — Ты где была, твою мать?

— Не надо вспоминать мою мать, Мэд. Она перевернется в гробу, если узнает, какой сучкой я стала, — шутливо произносит Пенни, закатывая глаза. — Все нормально? — тут же прячет свой юмор, вглядываясь в мое лицо.

— Уже... или пока что да. Но я хочу свалить отсюда, потому что меня нормально-так пошатнуло от этого тестостероносодержащего.

— Ты взяла его номер? — спрашивает Пенни, снова рас-

тягивая губы в улыбке.

Я отрицательно качаю головой, просовывая руки в рукава куртки, но тут же останавливаюсь. *Вопрос номер один: какого черта я творю, если в клубе висит мое пальто?*

Стягиваю куртку, скомкивая ее в руках, и собираюсь отнести ее менеджеру клуба, чтобы он передал ее этому парню. *Вопрос номер два: почему я не отдала ему ее сразу же?*

Снова качаю головой, отшвыривая от себя всю вопросительность, которая сдавливает мозг.

— Хочешь, поедem домой? — предлагает Пенни, схватив меня за предплечье. — Поедим рыбные палочки и посмотрим вечернее шоу?

— На сегодня с меня достаточно *шоу*, — отвечаю я, направляясь в сторону входа.

Из дверей клуба вылетает какой-то парень, толкая меня в плечо, из-за чего из рук выпадает вещь.

— Прости, крошка, тороплюсь, — кричит он, срываясь с места.

Больной придурок...

— Ты в порядке? — спрашивает Пенни.

— В полнейшем, — с сарказмом отвечаю я.

Я присаживаюсь, чтобы поднять куртку, и замечаю на земле вещь — кольцо. Хмурюсь, беру его двумя пальцами и рассматриваю потертую гравировку — *«Вечность в каждом дне»*.

— Что это? — спрашивает Пенни.

— Билет на планету «Ты облажалась», — произношу сухо. — Кольцо, Пенни. И, вероятно, это его кольцо. Я должна вернуть это ему.

— С тобой сходить? — Она останавливает меня.

— Нет, я справлюсь.

Я вхожу в клуб, сначала долго пытаюсь отыскать этого человека, потом менеджера, но ни он, ни охранники, ни другие сотрудники этого места не знают того, кого я так детально описываю.

Мне кажется, они все смотрят на меня, как на больную. Я ведь видела его? Я с ним даже говорила! Что за хрень происходит тогда?

Поняв, что мне не удастся надеть кольцо на палец того парня, я забираю свои вещи и выхожу на улицу, где вижу картину, от вида которой глаза стремительно идут в закат.

Незнакомец — тот, который сидел и собирал большим пальцем слюни с подбородка от вида ног Пенни — сейчас заликает слюнями ее рот.

Подойдя к парочке одноразово-влюбленных, я стучу по плечу подруги и шепотом говорю:

— Я уезжаю.

— Я с тобой, — шепчет она, тяжело дыша и отрывая ладонь парня от своей задницы.

— И я, — вклинивается он.

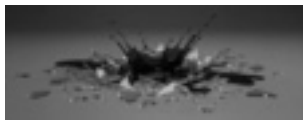
— Простите, но секс втроем для меня перебор. Давайте как-нибудь сами.

— Мэд...

— Пока-а-а, — тяну я, качая головой и отдаляясь. — Я к Джасперу.

— Поцелуй его щеку за меня.

— Обязательно.

Заехав домой, я смываю с себя маскаррад неудачного вечера, переодеваюсь в белый спортивный костюм и кроссовки, а волосы заплетаю в две косы — все для моего удобства. А затем отправляюсь напрямиком в кафе «*Ray-Way*»⁹, названного в честь дочери Джаспера.

С этим парнем мы дружим уже более трех месяцев. И наша дружба завязалась только потому, что Мэделин Хэйл любит влипнуть в... *просто влипнуть*.

Некоторое время назад я была волонтером и активно принимала участие в благотворительных мероприятиях для людей с ограниченными возможностями — инвалидами, которые не имеют жилья, средств для существования и близких людей рядом.

⁹ Ray-Way (Рэй-Вэй) — созвучность с именем дочери второстепенного героя — Рейвен.

Так вот Джаспер сидел в инвалидном кресле и слушал музыку, направив свой взгляд на пасмурное небо. Я решила, что он слишком подавлен, и подошла к нему со стаканчиком имбирного чая как раз в тот момент, когда он собирался отъезжать. Итог — чай оказался вкусным, но чертовски горячим, а моя нога не выдержала веса приблизительно в двести фунтов.

Я не думала, что знаю столько нелिцеприятных слов, которые в ту секунду вылетали из моего рта. Но это поспособствовало тому, чтобы зубы Джаспера не прятались за губами, — он улыбнулся на мою нецензурную речь, а после извинился передо мной за травмированную конечность.

Когда я оказываюсь в кафе, первое, что я вижу, — довольное лицо Рейвен. Шестилетняя девочка — самый милый и хитрый ребенок, с которым я контактировала.

Темные кудряшки свисают по ее плечам, на щеке след в форме сердца — она постоянно рисует себе «татуировку» маркером под глазом, говоря, что когда вырастит сделает сердце на лице навечно.

— Привет, драгоценное создание, — говорю я, заключая ее в объятия.

— Мэдди, я скучала по тебе! — кричит она, прижимаясь ко мне.

— Где твой папа?

— Он там, — произносит она, указывая пальцем в сторону кладовой, — разговаривает с Мэддоксом.

Мэддоксом?

Нахмурившись, я пытаюсь вспомнить: не слышала ли я ранее это имя? Оно кажется мне чертовски знакомым...

Услышав смех Джаспера, я перевожу взгляд в сторону звука, и, *Господь, сохрани мои глаза целыми*, понимаю, ПОЧЕМУ это имя мне кажется знакомым.

Мэддокс — Докс.

Какого, черт возьми, черта?!

Как такое возможно?!

Заметив, что они выходят из «укрытия», я на выдохе, не совсем внятно произношу единственное, что приходит в голову:

— Рейвен, давай сыграем в прятки? Только я прячусь первой.

И я сбегая, лишь бы не пересекаться с этим парнем еще раз.

Почему?

Первое — он меня пугает.

Второе — он меня все еще пугает.

Третье — ничего нового не скажу — он меня пугает. *И да, мне немного стыдно за свое поведение.*

Я подлетаю к отдаленному столику, на котором стоит тарелка с начатым томатным супом в окружении маленьких кукол-принцесс, и прячусь под скатертью. Схватившись пальцами за край ткани, отодвигаю ее и наблюдаю за парнем, который чересчур внимательно слушает Джаспера.

В мозге снова генерируется вопрос: на что надеется Вселенная, сталкивая нас уже в третий раз?

В третий, мать его, раз!

Ну не может ведь быть такое, что за короткий промежуток времени, находясь в огромном мегаполисе, два совершенно разных человека встречаются уже несколько раз!

Это шутка такая? Мне вот что-то совсем не смешно. А если обратить внимание на дрожание моих рук и липкость на ладонях, то можно сделать вывод — я ловлю панику, когда вижу его.

Мне скоро потребуются сеансы у психолога, чтобы наладить адекватность реакций на посторонних людей.

— Я иду искать! — кричит Рейвен, и я прижимаюсь к ножке стола.

Так, Мэделин, соберись. Все в порядке. Все просто потрясающе.

И почему я вообще спряталась?! *Потому что не хочу, чтобы он видел меня. Что он мне может сделать? Да что угодно!*

— Рейвен, ты снова за свое? Опять играешь с Майкельсоном? — звучит голос Джаспера.

Майкельсон — воображаемый друг Рейвен. По словам Джаспера, она придумала его после ухода матери.

— Папочка, ну я ведь уже большая для него, — смеется Рейвен, бегая по кафе. — Я играю с Мэдди.

— С Мэдди? — удивление проскальзывает в его тоне.

Черт...

Впиваюсь ногтями в бедра, пытаюсь найти выход из ситуации. А выход один — вылезти отсюда.

Но я — это я, и «без казусов» — не про меня.

Я выползаю на коленях из укрытия, дергая скатерть, и делаю это так, что все, что было **на ней**, оказывается **на мне**.

Теплая жидкость с запахом томатов стекает по моим волосам, по лицу и пачкает белый костюм — *я знала, что нужно надевать...*

Поднимаюсь на ноги и опускаю взгляд на свою грудь, видя там жирные следы, которые вряд ли выстираются. Провожу по губам языком, слизывая бульон, и поворачиваюсь к компании, которая почему-то не смеется.

— Вкусный суп. Кто готовил? — спрашиваю я, вымученно улыбаясь.

— Я выиграла! — улыбается Рейвен, подбегая ко мне и собираясь обнять, но резко останавливается и говорит: — Фу, Мэдди. На тебя что, кто-то блеванул?

— Угу, — подтверждаю и киваю назад, на разбросанных кукол, — твои принцессы.

— Шанель все-таки беременна? — Глаза Рейвен расширяются. — И ее стошнило на тебя?

Какая сообразительная девочка...

— Поздравляю? — вопросительно изгибаю бровь, предполагая, что это, должно быть, радостная новость.

— Это катастрофа! Теперь придется покупать детскую

одежду, коляску, искать жилье побольше.

— С одеждой и коляской я тебе помогу, — говорю я, наклонившись к ней и проведя пальцем по ее носу. — А вот насчет жилья... С этим вопросом лучше к папе.

— Мэдди. — Рейвен все-таки обнимает меня, а затем поднимает взгляд и смотрит на меня, не моргая. — И новую куклу.

— И новую куклу, — подтверждаю я, улыбаясь и поглаживая плечи Рейвен.

Я перевожу взгляд на Джаспера и вижу, что он стоит уже один. Осматриваюсь по сторонам, пытаюсь понять: в себе ли я вообще была, когда видела здесь того парня.

— Рейвен, там, кажется, Шанель нужна твоя помощь, — говорит Джаспер, подходя к нам.

— Поняла, папочка.

Рейвен убегает, оставляя нас вдвоем. Джаспер вопросительно смотрит на меня, а затем выставляет обе ладони в мою сторону и, прищурившись, спрашивает:

— Все в порядке?

— Да, просто хотела доесть чей-то суп, — усмехаюсь я, демонстративно приглаживая жирные волосы.

— Смешно, — поджав губы, говорит он и направляется к стойке. — Ты почему не предупредила, что придешь? — серьезно спрашивает Джаспер, протягивая мне бумажные полотенца.

— Если бы час назад ты ответил на мой звонок, я бы тебя

предупредила, — произношу я, вытирая лицо. — Считай, что мой визит — это сюрприз. Кстати, Джаспер, откуда ты знаешь этого человека?

— Какого?

— А я что, одна его видела? — удивляюсь я, останавливая любое движение. — Это был воображаемый незнакомец?

— Ты говоришь о Мэддоксе? — спрашивает он.

— Наверное...

Губы Джаспера растягиваются в улыбке. Он отходит к кофемашине и вставляет туда капсулы.

— Мэддокс — мой хороший знакомый, — объясняет он.

Я хмурюсь, услышав его ответ. Все это кажется странным до абсурда. В голове снова запускается цепочка мыслей, но ни одна не доводится до конца. Я теряюсь. *Я ничего не понимаю.*

— Мэдди? — Джаспер ставит ладони на стойку и наклоняется ближе. — У тебя все нормально?

— Да. Конечно. Все круто, — улыбаюсь я.

— Ты выглядишь какой-то перепуганной. Может, кофе?

— Кофе помогает лечить испуг? — поднимаю бровь. — С удовольствием, Джас. Но мне нужно умыться, чтобы иметь возможность широко открывать свой рот, когда ты будешь шутить. Томат кожу стягивает, — объясняю я, хлопая себя по щекам.

Оказавшись в уборной, я смываю неудачный макияж и смотрю на свое отражение.

Капли воды стекают с ресниц, губы в мелких трещинах от нервной привычки — сгрызать тонкий слой кожи с поверхности, чтобы немного переключать концентрацию внимания.

Снова подставляю ладони под поток воды и смотрю на свои пальцы, прокручивая большим кольцо на безымянном.

Кольцо.

Я должна вернуть его...

Глава 5

МЭДДОКС КАТТАНЕО

*Ей достаточно просто посмотреть в мои глаза,
чтобы пустить ток по нервам.*

неделю назад

Я не знаю, на какое время задержусь здесь. Я не уверен, смогу ли вообще жить в местах с людьми, которые не будут желать моей смерти и предпринимать попыток задушить меня подушкой во сне.

Там, где я провел пять лет, это было постоянной практикой. Именно по этой причине у меня чуткий сон, и малейший шум может за секунду активировать бомбу в голове.

Подхожу к входной двери и проверяю — заперто. Так, как и должно быть. Так, как правильно. *Так, как я привык.*

Я осматриваю комнату: свет проникает сквозь жалюзи узкими полосами — образность решетки сохраняется — и падает на стол и шкаф у стены.

Все кажется слишком упорядоченным, будто кто-то тщательно вымерял пространство, чтобы не оставить ни одного случайного штриха.

Здесь все похоже на декорации обычной жизни, только я не уверен, сумею ли я сыграть эту роль.

Когда ты привык быть номером, а не человеком, и тебе предстоит заново учиться жизни — каждая мелочь становится испытанием. Простые вещи требуют доверия, *а доверять я разучился.*

Это место — мой старт. И только от меня зависит, смогу ли я тронуться с места или навсегда останусь закованным в наручники с *эффектным* ядом под металлом — чувством вины, пустотой в груди и сдерживаемой яростью.

Простояв около двадцати минут перед балконом, я отправляюсь в спальню и падаю на кровать. Взгляд устремляется в потолок — мысли кружат вокруг одного — саморазрушение. Никаких изменений. Все одно и то же.

Глаза закрываются — я вижу ее. *Дженни.*

Она улыбается, протягивая мне тост с арахисовой пастой. Пачкает мой нос. Громко смеется. Забирается ко мне на колени и целует, слизывая следы пасты с моего лица. *Доста-*

точно.

Открываю глаза. Сердце бешено стучит в груди. Ее нет.
Ее. Просто. Нет.

Хочу вырезать из памяти ее слова, но они не просто осели в сознании — они проросли в меня, вьелись в мозг, и сейчас пульсируют в каждом атоме.

«Тебе еще будет хорошо. Просто поверь мне. Просто верь, мистер Мэд...»

Столько времени за решеткой — и ни одной секунды веры. *Моя вера была задушена руками неизвестного ублюдка.*

Она говорила, что хочет, как лучше. Только вот у людей есть странная закономерность — чем сильнее они хотят «как лучше», тем глубже они оставляют шрам «хуже».

Я не разучился дышать без нее — я просто дышу ее отсутствием.

Она обещала прийти ко мне. Клялась появляться во снах. Но не сделала этого. Ни тогда. Ни за все эти годы.

И меня это злит.

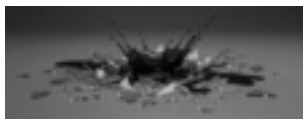
До тремора в руках. До боли в висках. До треска зубов.

Я хотел увидеть ее. Ощутить под пальцами кожу. Улыбнуться и прижать к себе. Но каждый раз, когда я думал о ней, желая самостоятельно вырисовать нас вместе, передо мной возникало гребаное тонированное стекло, которое отражало не нас, а ее — мертвую, накрытую тонкой стерильной тканью.

Поэтому мне приходится останавливать свою фантазию

до того, как я увижу ее бездыханное тело.

Справлюсь ли я в этой реальности? Пока есть цель — я буду дышать вместо *нее*.

Пять дней...

Меня хватило лишь на пять дней строгого режима: работа, психологическое сообщество, кладбище, *новый* дом. Этого было достаточно, чтобы понять, что я не вывожу.

Человек, который провел немало времени в месте, которое отличается от привычных тюрем, испытывает ломку. Не по свободе — по жестокости, адреналину, страху, физическому насилию и боли.

Каждую ночь я просыпался и неся к балкону, вцеплялся пальцами в перила, жадно втягивал воздух и смотрел в темноту. Кулаки чесались от желания разбить что-то. Лицо пылало от жажды получить удар. Тело кричало в агонии. *Мне нужны привычные раздражители.*

«Переизбыток отрицательного рождает самодеструкцию. Сознание ищет страдание, чтобы вернуть себе контроль», — фраза психотерапевта, который оказывает психо-

логическую поддержку освобожденным по УДО¹⁰.

Для человека, долго жившего в агрессивной среде, покой — не спасение, а угроза. И из этого есть выход — постепенное привыкание к безопасности.

Но... я не готов привыкать. *Я выбираю черный выход.*

Мэддокса, мечтавшего стать известным художником, — убили, кремировали и растворили его прах в грязной луже.

Сейчас существует другой.

Этот Мэддокс знает, что никогда не будет по-нормальному.

Этому Мэддоксу нужен тонус — кровь, полуубитое состояние, боль, выброс адреналина.

Визитка, которую мне дал охранник в день моего освобождения, — пропуск в **мой** мир. Он понимал, что я соглашусь. Он знал, что я сдамся. *И я сдался.*

настоящее время

Кабинет. Серые стены, запах бумаги и кофе. За окном —

¹⁰ УДО (условно-досрочное освобождение) — прекращение исполнения уголовного наказания, связанное с достижением его целей, до отбытия назначенного осужденному срока наказания. Нарушение условий испытательного срока ведет к возобновлению исполнения назначенного наказания.

дождь. Передо мной сидит мужчина средних лет, на столе исписанный блокнот, взгляд сосредоточен на моем лице.

— Прошло десять дней с момента выхода, — произносит он, клацая ручкой. — Как самочувствие?

— Нормально, — сухо выдаю я, держа руки в карманах куртки. — Привыкаю к шуму.

— Шуму? — Он удивленно смотрит на меня.

— Людей, машин, погодных условий, музыки... Слишком долго был в тишине.

— Понимаю, — кивает он. — Есть где жить? Есть поддержка близких?

На первый вопрос можно ответить — да. А вот на второй...

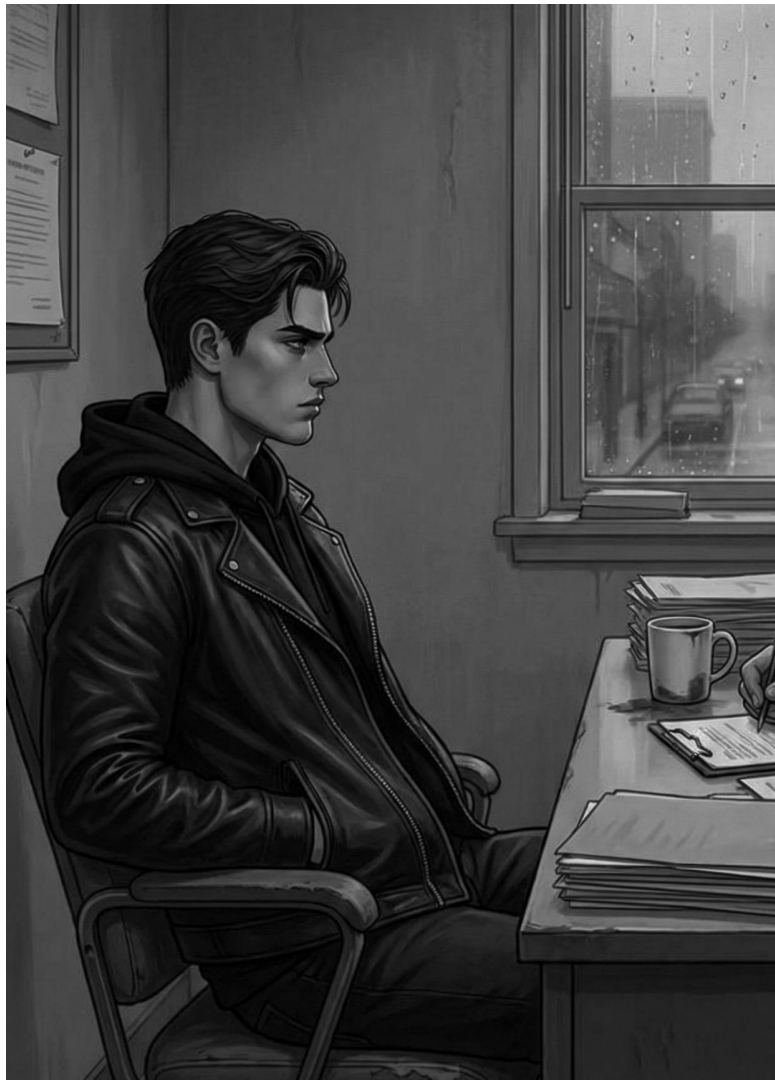
Поддержка была бы, если бы я этого захотел. Хантер и Тея не знают о моем освобождении. Не потому, что я эгоистичный ублюдок, решивший скрыть это от них. А потому что у них свадебное путешествие, о котором они предупредили меня (*Тея случайно проболталась*), когда приезжали за две недели до моего выхода.

Тео — наш младший брат. Вот тут ситуация посложнее. Я бы и ему ничего не рассказал. Но порой, мне кажется, что у него есть какая-то неподтвержденная суперспособность — предчувствовать что-то.

Наутро после того, как я *освободился*, он звонил мне семнадцать раз. А после — прислал двадцать четыре сообщения. Финальным было:

«Если ты не ответишь и не скажешь, что ты на свободе. Я подниму на уши все США, чтобы они нашли тебя».

Так что, единственный, кто знает, что я больше не теснюсь в четырех дырявых стенах, — Теодор Каттанео.

— Да, есть, — отвечаю я, вместо того чтобы вдаваться в подробности.

— Как с работой?

— Нашел. Перевозка грузов.

— Перевозка грузов, значит? — повторяет он, вглядываясь в мои глаза. — Не опасаясь — дорога, ответственность, график?

— Сейчас любая дорога кажется прямой.

Он чуть усмехается, но не отрывает взгляда от блокнота.

— Есть сложности с адаптацией? Ночные кошмары, раздражительность, замкнутость?

— Нет, — отвечаю я, слегка покачав головой. — Счастлив спать под одеялом и на нормальной кровати.

— Это хороший признак, — говорит он, ставя точку в блокноте. — Значит, тело и голова начинают возвращаться к норме.

Я молчу. На секунду повисает пауза, слышно, как за окном шумит дождь.

— Главное — не торопись, — добавляет инспектор. — Время — твой союзник, а не враг.

Я киваю, сжимая кулаки так, чтобы ногти впились в ладони.

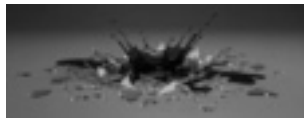
— Следующая встреча через две недели, — напоминает он. — Если что-то пойдет не так — звони.

— Понял, — отвечаю и поднимаюсь.

Выйдя на улицу, я стою под крышей здания и смотрю на лужи, которые пополняют капли с неба. Разжимаю кулаки и вынимаю их из карманов. Взгляд падает на сбитые в кровь костяшки — не то, что должен видеть инспектор.

Достаю пачку сигарет и беру одну. Поджигаю кончик и делаю глубокую затяжку, задерживаю дым в легких и плавно отпускаю.

Нужно продержаться два дня. Два дня без боли, а после — мне снова станет комфортно.

Дорога к месту, где я теперь живу, напоминает дорогу по углям. Не потому, что туда больно идти, а потому что каждый шаг требует осторожности.

Взгляд падает на спину человека, который идет впереди. И я замедляю свой шаг, когда вижу, что девушка с короткой периодичностью оборачивается и ускоряется.

И все бы ничего, но она решает остановиться. Ее плечи напрягаются. Поза демонстрирует страх. И вот она поворачивается ко мне и, учащенно дыша, выставляет сжатую ладонь вперед.

Хмурюсь и, склонив голову, изучающе смотрю на вещицу в руке. Я понимаю, что она собирается сделать, и на моих

губах появляется едва заметная усмешка, которую я тут же подавляю, когда взгляд смещается на лицо девушки.

Снова она.

— Не подходи ко мне! — кричит она, испуганно смотря на меня.

Я решаю не пугать ее сильнее и собираюсь пройти мимо нее, но она снова повторяет:

— Я сказала: не подходи! Я буду кричать!

Игнорирую ее предупреждение и иду вперед, планируя обойти ее справа. Но она пятится и, наверное, *случайно* неустойчиво ступает на ногу и падает на мокрый асфальт.

— Ты мой фанат, да? Хочешь, могу с тобой сфотографироваться? Только, пожалуйста, перестань ходить за мной. Ты меня пугаешь.

Она серьезно думает, что представляет для меня хоть какой-то интерес?

Девушка приподнимается, зажмуривает глаза, дергая рукой так, что перцовый баллончик выскальзывает и откатывается в сторону.

Слежу за ее взглядом, в ее глазах появляется новая вспышка — *паника*? Она делает попытку дотянуться до баллончика, но я отшвыриваю его ногой подальше и поворачиваюсь к ней.

— Я просто иду домой.

— Ага, так я тебе и поверила, — прищурившись, произносит она. — Тебе не кажется странным, что ты уже четвер-

тый раз появляешься на моем пути? И, на минутку, это происходит в совершенно разных локациях.

— А тебе не кажется странным, что каждый раз **ТЫ** проявляешь ко мне слишком много внимания, в котором **Я** не нуждаюсь?

— Я? — Она указывает на себя пальцем, удивленно вскидывая брови.

Девушка поднимается на ноги, подходит ко мне близко, почти вплотную, словно до этого момента и не боялась меня. Склоняет голову и смотрит на меня снизу вверх:

— Вообще-то... я тоже иду домой.

Темные волосы, дымчато-голубые глаза, на вид чуть больше двадцати, повадки обиженного или обделенного вниманием ребенка. Хочу ли я продолжать вести с ней диалог? *Нет. Точно нет.*

Я наклоняюсь, заставляя ее откинуть голову назад. Рассматриваю вблизи ее лицо, опускаю взгляд на губы и медленно поднимаю его к глазам.

— Хорошей дороги, *леди*.

Выпрямляюсь, собираюсь покончить с этой нелепой болтовней, но она хватает меня за рукав куртки и дергает на себя.

Челюсть сводит от напряжения, желание доходчиво объяснить ей, что я не люблю прикосновения, зашкаливает. И когда я оборачиваюсь, вижу, что она зацепилась за замок моей куртки.

— У тебя какие-то проблемы с верхней одеждой окружающих?

— Это у тебя проблемы с женскими украшениями, — шепчет она, пытаясь вырвать свою руку. Но ее попытки освободиться приводят лишь к хаотичным прикосновениям к моему паху.

— Можешь перестать дергать рукой? — прошу ее, стиснув зубы.

И она слушается. Поднимает свободную руку к своим волосам и заправляет их за ухо. Ее взгляд падает вниз, как бы намекая, чтобы я что-то сделал с этой «проблемой».

— Сделаешь что-то? — нетерпеливо спрашивает она. — Я тороплюсь.

— Так и не скажешь, что у тебя есть какие-то дела, кроме тех, что граничат с преследованием меня, — пытаюсь обмануть свое сознание, избавить голову от мысли, что мне придется снова трогать ее за руку.

— Я не преследовала тебя! — *не хватает только обиженно топнуть ногой.* — Это делал ты!

Я стараюсь минимизировать контакт кожа к коже и достаю из замка крепление ее браслета, которое каким-то магическим образом зацепилось за меня. И когда ее рука находится подальше от меня, я сжимаю ладони в кулаки и убираю их в карманы куртки.

— Кем бы ты ни была, старайся сторониться меня. Я не люблю людей. А если ты все-таки захочешь еще раз пере-

сечься — будь увереннее и используй перцовый баллончик по назначению.

— Псих!

Громкий возглас доносится до меня, когда я продолжаю движение дальше, желая оказаться вдали от проблемы по имени... *без имени*.

Вместо того, чтобы отправиться домой, я решаю еще немного пройтись — сейчас мне нужно время, чтобы насытить легкие кислородом и дымом сигарет. И только после этого вернуться туда, где меня снова будет ждать бессонница.

Глава 6

МЭДЕЛИН ХЭЙЛ

Официально: с сегодняшнего дня я ношу украшения исключительно по особым случаям.

Сначала кольцо, теперь браслет... Не понимаю, в металл внедрен магнит, тянущий меня к этому человеку? Что будет, если я нацеплю на шею какую-то подвеску? Прилипну к его груди и буду нежиться в объятиях?

Ну уж нет.

Я хочу верить, что это был последний раз, когда мне пришлось его видеть и как-то контактировать. Хотя, по логике случайностей — *а у них бывает логика?* — если мы «знако-

мы» через Джаспера, то вероятность случайной встречи увеличивается на пару процентов. Так что теперь, если я соберусь как-то к своему другу, я буду уточнять о присутствии там этого парня.

Пугает ли он меня? Сейчас, кажется, процент страха значительно снизился — *если не дошел до минусовой отметки.*

Но, возможно, во мне все еще плещется адреналин. И именно поэтому я не могу в полной мере оценить свое состояние.

Стоя посреди улицы, я смотрю на отдаляющуюся спину и испытываю желание крикнуть ему что-то еще, чтобы он не уходил с уверенностью, что выиграл этот диалог.

Весь такой серьезный, холодный, неприступный... Меня бросает в нестабильность от его непоколебимости и самомнения.

Я слежу за ним? Ха-ха, да, я безумно сильно фанатею от парней, которые вызывают странно-смешанные эмоции.

Встряхнув головой, я стягиваю со своего запястья браслет и почти с психом бросаю его в сумочку. Подхожу к валявшемуся баллончику и, подняв его, отправляю туда же. достаю упаковку сухих салфеток и торопливо вытираю ладони от грязи.

Я говорила, что постоянно вляпываюсь во что-то, но в последнюю неделю я делаю это буквально. Спинка серого пальто и голубые джинсы теперь грязные и мокрые. Хочется скорее оказаться дома и снять с себя одежду.

Вытерев руки, убираю грязную салфетку в боковой карман — привычка не мусорить сохранилась с детства, когда мама рассказывала мне и Алексии, моей младшей сестре, о том, как важно заботиться о Земле.

Продолжая движение, до моих ушей доносится мелодия с телефона, осведомляющая о звонке. Достаю его и, увидев на экране имя брата, начинаю улыбаться.

— Привет, Билли, — начинаю я, приложив устройство к уху.

— Мэдди, как ты? Не занята?

— Для тебя найду целую минуту, — отвечаю я. — Ты что, устроил вечеринку? — интересуюсь, услышав крики и музыку на фоне. — Празднуешь свободу после отъезда сводной сестренки?

Уильяму¹¹ двадцать восемь лет. Хотя он и является главой строительной компании, руководит бизнесом и проводит много времени в командировках, он, как никто другой, знает, как нужно жить эту жизнь. Для него нет «не могу» — он знает только слова «хочу» и «делаю». И каждый раз делает так, что новый день становится интереснее предыдущего.

— Конечно, — смеется он. — Но ты ведь знаешь, что я был счастлив, когда ты жила за стенкой.

¹¹ Уильям (Вильям, англ. *William*) — распространенное английское имя. Уменьшительные формы (дериваты) — Билли, Уилл, Билл. Поэтому, если вдруг возникнет вопрос: почему в тексте встречается два имени для одного и того же героя? Ответ будет таким: это не ошибка автора, это просто вариация имени героя.

— Знаю, но пришло время мне строить свою жизнь, к которой я вроде бы готова. Пусть я теперь не сплю в комнате с роскошным видом на Манхэттен, но в моей квартире тоже неплохо, — я делаю паузу. — Как там красавчик Лумис?

— Скучает по тебе. Сидеть, Лумис, — отдает команду доbermanу, которого ему подарили несколько месяцев назад. — Сейчас, например, он вообще не хочет меня слушать.

— Потому что он хочет вознаграждение получить. И я сейчас не только о слове «молодец» говорю. Дай ему мясо, Билли, — произношу я, закатив глаза. — Так, а ты позволил потому, что тебе на вечеринке стало скучно? Или что-то случилось?

— Ты помнишь, о чем я просил тебя месяц назад?

— Не-е-ет, — протягиваю я, хмурясь, что забыла что-то важное.

— Деловая встреча, на которой нужно твое присутствие. Хотя бы на пару часов.

— Черт...

— Забыла?

— Есть такое.

— Для этого у тебя и есть я. Чтобы напоминать тебе о важных моментах.

— Напугал, — успокаиваюсь я, подходя к квартире. — Я уже подумала, что забыла о каком-то важном событии. Ты ведь знаешь, что у меня врожденная проблема с запоминанием дат, — смеюсь я, прижимая телефон к плечу и роясь в

сумке в поисках ключа. — Но о твоём дне рождения я помню. Если бы забыла, ты бы четверговал меня.

— Ну что ты, Мэдди, я бы тебе... — делает паузу, — напомнил о нём, приехав рано утром с колпаком на голове. Ты уже дома?

— Да, спасибо, что проводил. — Я открываю дверь и ставлю сумку на пол. — Люблю тебя.

— А я тебя, малышка, — произносит он привычную фразу. — Завтра заеду за тобой к восьми.

— Буду готова в восемь пятнадцать.

— Договорились. Удачи с заучиванием текста, Мэдди.

— А тебе с поисками той, кто захочет провести с тобой пару часов наедине, — фыркнув, я отключаю вызов и кладу телефон на столик.

Стянув с себя обувь и грязную одежду, я отправляюсь в ванную комнату. Бросаю вещи в стиральную машину и, включив ее, возвращаюсь в гостиную.

Сегодняшний день выдался весьма непростым: съёмочная смена, где мне пришлось осваивать новый трюк, из-за которого на коленях теперь красуются синяки — *нет, я не стояла на коленях перед мужчиной*. Я просто немного неудачно приземлилась.

Сразу после этого прошло короткое, но напряжённое интервью для одного журнала, которые чертовски сильно были заинтересованы в моей персоне.

И сейчас я планирую расслабиться так, чтобы мое тело

сказало мне «спасибо, Мэдди, но больше так не делай».

Задернув занавески, я включаю музыку на аудиосистеме и устанавливаю почти максимальную громкость.

Ладони ложатся на обнаженную талию, проводя плавную дорожку вдоль тела: до бедер и обратно. Пальцы утопают в волосах, сминают их и массируют кожу.

Музыкальный тон проникает в каждую клеточку, позволяя моему телу самому решать, какое движение выбрать и как изогнуться.

Как только я опускаю голову, чтобы сделать эффектный взмах, ушей касается настойчивый и громкий стук в дверь, который выбивает меня из эйфорического состояния, но не спасает от удара о стену.

— Черт! — прислоняю ладонь к затылку и учащенно тру, желая избавиться от преждевременного появления головокружения.

У меня вопрос к самой себе: как я дожидая до двадцати трех, если всего за один день со мной случилось так много неприятностей? Я ведь не была раньше такой неуклюжей...

Когда я немного прихожу в себя, в дверь снова стучат, и я непроизвольно вздрагиваю, не понимая, кто мог прийти ко мне в такое время.

Я медленно подхожу к двери, наклоняюсь к сумке и достаю баллончик, вспоминая слова того странного парня о том, что в случае чего этой *вещицей* можно воспользоваться.

Кладу одну руку на дверную ручку, а вторую держу наго-

тове.

Почему на этой двери не предусмотрен глазок? Вот как мне понять, кто стоит на той стороне? Маньяк? Убийца? Старушка с пирогом? Или кто-то другой?

Так все, соберись, Мэдди.

Как только я собираюсь это сделать, звучит очередной удар, от которого сердце подпрыгивает в груди.

Осторожно открываю дверь, и, увидев незнакомого человека, реагирую максимально быстро — покрываю его лицо брызгами из баллончика, параллельно слыша его короткое:

— Можно вас...

Мне нужно перестать считать количество наших «случайных» встреч, потому что, кажется, от моего счета они только увеличиваются.

Как только я перестаю думать о нем, он тут же появляется. Ну вот зачем? Мне ведь и без него неплохо жилось.

Смотрю на него и все, что вижу, — сильно зажмуренные глаза. Никакого звука, ни единого возмущенного писка, ни матов — ни-че-го.

Разве ему не больно? Баллончик просроченный что ли? Он же должен, как минимум, печь слизистую...

— Откуда ты знаешь, где я живу? Все-таки следил за мной? — громко спрашиваю я, продолжая держать руку приподнятой.

— Похоже, тебе сложно взаимодействовать с людьми, — говорит он, растирая пальцами глаза.

— Не сложно с теми, кого я считаю нормальными.

— *Леди...* — обращается ко мне, стискивая зубы. — Музыку сделай потише. Она мешает жить твоим соседям.

— Какое тебе дело до моих соседей?

А потом до меня доходит... слишком быстро и резко доходит. Так доходит, что меня накрывает волной с эффектным послевкусием «чувство вины» за содеянное.

Джаспер сказал, что этот человек — его хороший знакомый.

Джаспер помог найти мне эту квартиру.

Соответственно, Джаспер мог и ему помочь найти квартиру.

Но не по соседству же со мной!

Я перевожу взгляд чуть ниже его головы — на нем домашние штаны, просторная белая футболка и тапочки. За его спиной приоткрытая дверь, которая за все время моего нахождения здесь была закрытой.

— Я здесь живу, — подтверждает он.

— Нет, — приглушенно говорю я, медленно опуская руки.

От моего недоверчивого «нет» он съедет? Вряд ли...

Так, если он мой сосед, он спокойно может пожаловаться на меня владельцу дома, и меня выселят за нарушение тишины...

Мне, наверное, нужно что-то сделать, да?

Я бросаю баллончик на сумку, хватаю парня за нижний

край футболки, решив учесть его железобетонное правило «не прикасайся ко мне», и тяну его в свою квартиру.

— Тебе срочно нужно промыть глаза, — тут же объясняю я.

— Я сделаю это у себя.

— С закрытыми глазами дойдешь? — иронично выгибаю бровь и снова тяну его — на этот раз в ванную комнату.

Я останавливаюсь у раковины, включаю воду и оставляю его одного. Выхожу в гостиную, чтобы выключить музыку, и возвращаюсь к нему.

Какой же идиотизм... Сама создала проблему — сама решила. *Наверное, решила.*

Когда он заканчивает с водой, я вкладываю ему в руки полотенце и жду, когда он будет готов меня слушать.

Он поворачивается ко мне — на его лице нет ни капли раздражения, только стойкое равнодушие. Глаза красные — реакция на содержимое баллончика.

— Ты меня видишь? — спрашиваю я, заглядывая к нему в лицо и показывая свою руку. — Сколько пальцев?

Он молчит, будто совершенно не заинтересован в разговоре со мной.

— Ладно, — вздыхаю я, складывая руки на груди. — Прости, я думала, ты маньяк. Когда я переехала сюда, мне сказали, что здесь нет соседей. А в такое время гостей я не ждала, поэтому действовала, прислушиваясь к своим инстинктам и твоему совету — воспользовалась баллончиком, когда

почувствовала угрозу. Если я могу как-то помочь или исправить то, что сделала, ты только скажи, — монотонно тараторю я, позабыв о том, что нужно было бы сделать паузу, чтобы он мог лучше понять мои намерения.

Он снова молчит и смотрит в мои глаза.

— Пойдем, я дам тебе что-то прохладное? Приложишь к глазам. А то к завтрашнему дню ты будешь похож на опухшего опоссума с красными глазами, — пытаюсь разрядить обстановку нелепой шуткой, но не удается.

Он все еще молчит.

— Я через глаза травмировала твою речь?

— Слушай музыку тише, *леди*.

Он опускает взгляд на мои сложенные на груди руки, а потом просто отворачивается и уходит. Через полминуты я слышу громкий хлопок двери.

Какой же он странный.

И он мой сосед, черт возьми... *Ну хоть не маньяк...*

А я панически боюсь закрытых на ключ помещений.

От суммы этой информации моему мозгу становится тяжело, а сердцу на несколько процентов тревожнее.

Вздохнув, я поворачиваюсь к раковине, ставлю руки на край и поднимаю взгляд к зеркалу.

Твою мать...

Какой нужно быть душой, чтобы забыть, что на мне из одежды только белье?! Да еще и какое — голубые непрезентабельные трусы с надписью «*Friday*» и белый лифчик в

красный горошек. В какой панике я была, чтобы не обратить внимание на это?!

Пора добавить к списку моих «интересных» качеств новую черту — жесткое отклонение с памятью в стрессовых ситуациях. Вплоть до того, что я могу забыть, что я почти голая расхаживаю перед посторонним мужиком...

Идиотка!

Глава 7

МЭДЕЛИН ХЭЙЛ

И даже когда мои глаза закрыты, я все равно вижу тебя.

— Мэдди, ты еще здесь или так прямо ушла от нашего разговора к Морфию? — спрашивает Пенни, пока я пытаюсь совладать с собой и не уснуть, погружая в желудок вторую порцию кофе без сахара.

Вчерашний день был максимально тяжелым. Ночью я очень долго лежала, ворочаясь из стороны в сторону, потому что не могла найти удобное положение. Утром все стало еще «лучше» — будто меня перекрутили, перемяли и оставили

сушиться до полной готовности.

Я еле доползла до кухни, налила себе кофе и минут пять просто смотрела в чашку, пытаясь вспомнить, кто я и почему вообще должна существовать в этот час.

— Я здесь, — бормочу я, стараясь удерживать веки открытыми. — Просто пытаюсь не превратиться в зомби раньше времени.

— Кофе тебе явно мало помогает, — выдыхает она. — Может, тебе все-таки нужен отдых? — интересуется она, опуская ладонь на мою руку, из-за чего я неожиданно для себя самой вздрагиваю и отдергиваю ее. — Ты чего?

— Прости... Вчерашний день вывел меня из себя своей непредсказуемостью, — устало улыбаюсь я. — А так все нормально. Мне просто нужно время на адаптацию.

— И вправду... у тебя потрясающие мешки под глазами, — отмечает она, указывая на мое лицо пальцем.

— Спасибо, Пенни, — произношу с сарказмом и подношу чашку к губам. — Расскажи лучше о себе. Как тот парень? Это было единоразово или у вас будет ярчайшая история любви? Мне нужны подробности, чтобы я смогла к вашей свадьбе подготовить самую душераздирающую речь.

И Пенни рассказывает, а я пытаюсь вслушиваться в ее голос, который действует на меня как белый шум и расслабляет.

Но мое спокойствие длится недолго: двери кафе распахиваются, и я вижу гору коробок, а потом — человека, который их держит.

— Опять он, — шиплю я, насупившись. — Не поворачивайся.

Но, похоже, вместо моей просьбы она слышит: *«Срочно обернись! Рассмотрй его со всех ракурсов! Можешь еще при- свистнуть и отметить, какая у него отличная задница»*.

— Это тот парень из клуба? — спрашивает она, даже не думая о том, чтобы понизить тональность своего голоса. — На трезвую голову он выглядит чертовски мужественно и притягательно. А задница...

Что и требовалось доказать...

Пенни — человек, который умеет «красиво» выражать свое мнение о людях. Особенно, если речь идет о мужчинах...

— Как он тебе при дневном освещении? — спрашивает Пенни, а я снова возвращаю свое внимание к Мэддоксу.

Он расставляет коробки у стойки, что-то обсуждает с Джаспером и даже не смотрит в мою сторону. А я, к своему удивлению, ловлю себя на мысли, что откровенно рассматриваю его.

— Ну? — Пенни привлекает мое внимание.

— Ничего особенного, — выдыхаю я и делаю глоток кофе, пытаюсь скрыть легкое, непонятно откуда взявшееся волнение.

— Милая, ты там не растеклась под столом еще? — Она демонстративно пододвигается вплотную к столу, опускает под него руку и плавно скользит вверх по моему колену, за что я шлепаю ее по ладони.

— Перестань! — вылетает из меня громче, чем следовало бы.

Я снова бросаю взгляд на Мэддокса, но встречаю только равнодушные, плещущееся в его глазах. Ноль интереса —

только усталый пофигизм. Он тут же отворачивается, пожимает ладонь Джаспера и уходит.

— Ничего я не растеклась, — приглушенно отвечаю я.

— Но ты уже на пути к этому?

— Пенни! — восклицаю я. — Я сейчас вернусь.

Я встаю и решительно направляюсь в сторону выхода. Выбегаю на улицу, желая поговорить с ним начистоту, но замечаю лишь то, как старенький автомобиль, стоявший напротив кафе, медленно исчезает в потоке других машин.

Меня хотят свести с ума? Что ж, очень хорошо получается. Да так, что мне уже плохо от этих случайных пересечений...

Захожу обратно и вижу Джаспера. Он вытирает вымытую чашку. Наплевав на все — потому что я немного зла и меня пугают эти случайности — я подхожу к нему почти вплотную, забираю из рук чашку и шумно ставлю ее на стол.

— А сейчас ты мне все расскажешь, Джаспер, — говорю я, выстреливая в его лицо разъяренным взглядом. — Кто такой Мэддокс?

— Я же тебе уже сказал. Он — мой хороший знакомый.

— Почему он постоянно где-то... поблизости со мной?

— Вы часто видитесь? — удивляется он. — Мэдди, может, это судьба?

Он издевается надо мной? Определенно!

— Шутишь?

Он фыркает, будто я сказала что-то нелепое.

— Мэдди, да успокойся ты. Я не шучу, — отвечает он, но слишком быстро, слишком легко, чтобы я этому поверила.
— Совпадения случаются.

— Но не такие же! — шиплю я. — Он появляется везде: когда я отдыхала с Пенни, на улице, у тебя здесь. Вчера выяснилось, что он еще живет напротив. Если я сошла с ума или паранойю — ты так и скажи.

— Мэдди, он живет напротив потому, что я помог ему найти жилье. Видишь его здесь — он работает в доставке, а мне нужны продукты. Насчет остального, полагаю, что это стечение обстоятельств.

Стечение обстоятельств, значит. Ладно. Окей.

Поняв, что я на самом деле похожа на параноичку, я всучиваю чашку обратно в руки Джаспера и, улыбнувшись, возвращаюсь к Пенни.

Как только я сажусь за столик, Пенелопа задает вопрос:

— Узнавала номер этого красавчика у Джаспера?

Хмурюсь.

— Хочешь нормально с ним познакомиться?

— Я уже это сделала... Но не совсем нормально. И не совсем познакомилась.

— Тот раз в клубе не считается. Может, он был без настроения.

— Это было потом... чуть позже.

— Что? — удивляется она. — И я все еще не знаю всех подробностей? Давай, выкладывай. — Она складывает руки

перед собой и внимательно смотрит на меня.

— Он мой сосед, — выдыхаю я.

— Чего? — удивляется она, округляя глаза.

— Вчера я расхаживала перед ним в одном белье.

— С этого момента подробнее, пожалуйста.

— Я танцевала. А потом пришел он, — продолжаю я, вспоминая вчерашний вечер.

— А раздеться ты когда успела? — Пенни хмурится, и я не хочу представлять, что сейчас творится у нее в голове.

— Когда пришла домой. Я упала в лужу, вся одежда была мокрой и грязной.

— Не удивила, — она качает головой, будто я сказала что-то слишком очевидное. — И что, у вас что-то было?

— Считается ли то, что я забрызгала его глаза перцовым баллончиком за «что-то»? Если да, то было...

— Мэдди... — Она закатывает глаза, а потом раздражается смехом.

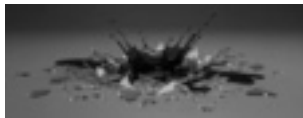
— Что?! Я испугалась!

— Получается, теперь у тебя по соседству живет холодный, но такой горячий красавчик? — интересуется она, мечтательно закусывая нижнюю губу. — Если ты не претендуешь на него, то... не против, если я буду частой гостьей у тебя?

— Мне все равно. Можешь хоть переехать.

Мне ведь на самом деле все равно — и на него, и на все, что с ним связано? Да, все равно. Главное, чтобы это не ме-

шало мне спокойно жить.

Вернувшись домой, я пишу сообщение Билли о том, что скоро буду готова и он может приехать за мной.

Я наношу на губы ярко-красную помаду под тон длинного платья, которое мне прислал брат. Грудная клетка украшена глубоким декольте, на шее висит кулон с небольшим черным камнем в форме космеи — *сегодня особый случай, и я очень надеюсь, что мое решение надеть украшение не станет причиной появления соседа в поле моего зрения.*

Сверху я надеваю черное пальто и туфли на высоком каблуке — неудобно (*с моей координацией такое вообще противопоказано*), но случай требует этой «жертвы». Смотрю на свое отражение и вижу идеальный образ — показушность, которую хотят видеть другие.

Сестра крутого бизнесмена не может выглядеть серой — ее внешность должна бросаться в глаза. Это было важным пунктом, когда Билли просил меня принять участие во всем этом. И видя себя такой, я понимаю, что мне удалось добиться эффекта с плашкой *«экспонат, на который можно ронять слюни»*.

На телефоне вспыхивает уведомление. Билли подъехал. Закрываю за собой дверь и медленным шагом, чтобы не упасть и не порвать одежду или связки, спускаюсь по ступенькам на улицу. Вижу припаркованный тонированный *RangeRover* брата и, собственно, его самого.

Темные короткие волосы уложены наверх каким-то гелевым средством, классический костюм украшает его мускулистую фигуру. Наручные часы сверкают от его рывкового движения запястьем. *Проверяет, не опоздала ли я.*

Он стоит у пассажирской двери. Его карие глаза смотрят на меня, изучая фасад моего образа от туфель до макушки — к слову, волосы я подкрутила плойкой, и теперь с плеч спадают красивые объемные локоны.

— Потрясающе выглядишь, — произносит Билли, откры-

вая для меня дверцу, и я, придерживая подол платья, присаживаюсь на сиденье.

— Не лучше тебя, дорогой братик, — отвечаю я, прищурившись и просканировав его внешний вид. — Классные носки.

— Только ты могла оценить то, что не нуждается в оценке, — смеется он, захлопывая дверь.

Билли садится за руль, достает из внутреннего кармана медицинскую баночку и вытряхивает из нее две таблетки. Поместив их в рот, он дергает кадыком, помогая лекарству продвинуться по пищеводу.

Меня всегда поражало то, как он умеет пить обезболивающее. Мне же требуется пару стаканов воды, чтобы избавиться от тревожности, что в моем горле может что-то застрять.

— Голова болит, — объясняет он.

Он плавно начинает движение, а я перевожу взгляд на лобовое стекло, изучая то, что происходит на дороге в такое позднее время.

Проходит всего пять минут, как я чувствую ужасную сухость во рту — или в машине настолько жарко, что меня высушивает изнутри, или я очень сильно нервничаю.

Я поворачиваюсь, осматривая салон на наличие какой-то жидкости.

— Не переживай, следы моих подружек ты здесь не найдешь.

— Мне дела нет до твоих новых подружек. Я всегда буду

за Пенни, ты же знаешь, — отвечаю я, закатывая глаза. — Пить хочу, у тебя в машине слишком жарко.

— Держи. — Он с сарказмичным прищуром протягивает мне запечатанную бутылку.

Я забираю ее, открываю и прислоняю к губам, жадно поглощая глоток за глотком.

— Мне оставь.

— Не-а, — и я выпиваю все до последней капли.

Когда он паркует автомобиль, до меня доходит, что это место — тот самый клуб, в который мы с Пенни ходили больше недели назад.

— А ты уверен, что открытие сегодня? — интересуюсь я, озадаченно смотря на него.

— Да, а что? — спрашивает он, насупившись.

— Нет, ничего. Просто снаружи это больше похоже на место, о котором уже шепчется половина Манхэттена.

— Так и должно быть, Мэдди, — усмехается он, качая головой. — Пойдем?

Он открывает мне дверцу и подставляет ладонь, будто мы на благотворительном вечере. Галантность включена по полной — *значит, ему действительно что-то от меня нужно.*

Я вкладываю в его руку свою и, стараясь не закатить глаза, ступаю на прессованный гравий, который неприятно хрустит под каблуками.

У входа нас встречает пожилой мужчина в идеально сидящем темном костюме. Он проверяет какие-то документы или

приглашения — я не успеваю разглядеть. После чего жестом приглашает пройти внутрь и ведет нас по узкому коридору, отделанному мягкими светлыми панелями.

Так странно... В прошлый раз я его не видела. Может, была не в том состоянии, чтобы замечать такие вещи.

Когда он распахивает дверь дополнительного зала, я охреневаю, но стараюсь не подавать виду насколько сильно меня впечатляет увиденное.

Зал похож на подземный театр. Высокий потолок, черные подвесные лампы, создающие приглушенное свечение. Стены — графитового оттенка с матовой текстурой.

В середине зала — круглая площадка с прозрачным усиленным стеклом по сторонам, подсвеченная снизу холодным белым светом и прикрытая темными шторами.

Здесь будет какое-то выступление или закрытый модный показ?

Перед площадкой размещены ряды темных кресел. Каждое место оснащено индивидуальным столиком, на котором уже стоят бокалы и бутылки чего-то явно очень дорогого.

— Билли, — обращаюсь к брату, дергая его за руку. И когда он оборачивается, подзываю его пальцем, чтобы прошептать на ухо: — Что это за место?

— Пока сам не очень хорошо понимаю, но обещали, что будет весело и интересно, — произносит он, удивляя меня своим ответом.

Мне здесь совсем некомфортно. Внутри как-то неприят-

но, будто я съела что-то несвежее и меня вскоре стошнит.

— Пошли? — меня отвлекает Билли, приглашая занять наши места.

Пройдя немного, я замечаю, как пожилая женщина, накрашенными в алый цвет ногтями, ест цыпленка. Отворачиваюсь, не в состоянии наблюдать за этим, и вижу другую картину: мужчина, широко раскинув ноги, сидит и смотрит на меня так, словно я посмертно завещала ему свое тело и каждую «цацку», висящую на мне.

Что за жесть тут происходит...

Когда мы оказываемся у кресел с номерками шесть и семь — Билли пропускает меня вперед, а сам занимает крайнее.

Мой взгляд целится на происходящее впереди — внутри круглой арены появляются два человека, которых встречают бурными аплодисментами.

Кожа покрывается мурашками, по телу пробегает холодок — слишком не для меня это место.

Мне хочется закрыть глаза, чтобы не видеть этого. Одно дело, когда это происходит на съемках, и я знаю, что это не по-настоящему, и совершенно другое — когда это реальность.

— Мэдди, мне нужно отойти, важный звонок по работе, — говорит Билли, поднимаясь с места. — Я сейчас вернусь. Расслабься, это просто шоу.

Просто шоу. Хорошо.

Я зажмуриваюсь на несколько секунд, чтобы прийти в се-

бя, но, когда моих ушей касается мощный хлопок, мои глаза распахиваются, судорожно выискивая тревожный звук.

Причина — какой-то мужчина открыл бутылку шампанского. А по частым ударам моего сердца, казалось, что кому-то выстрелили в висок.

Мне не по себе. Я не хочу быть здесь.

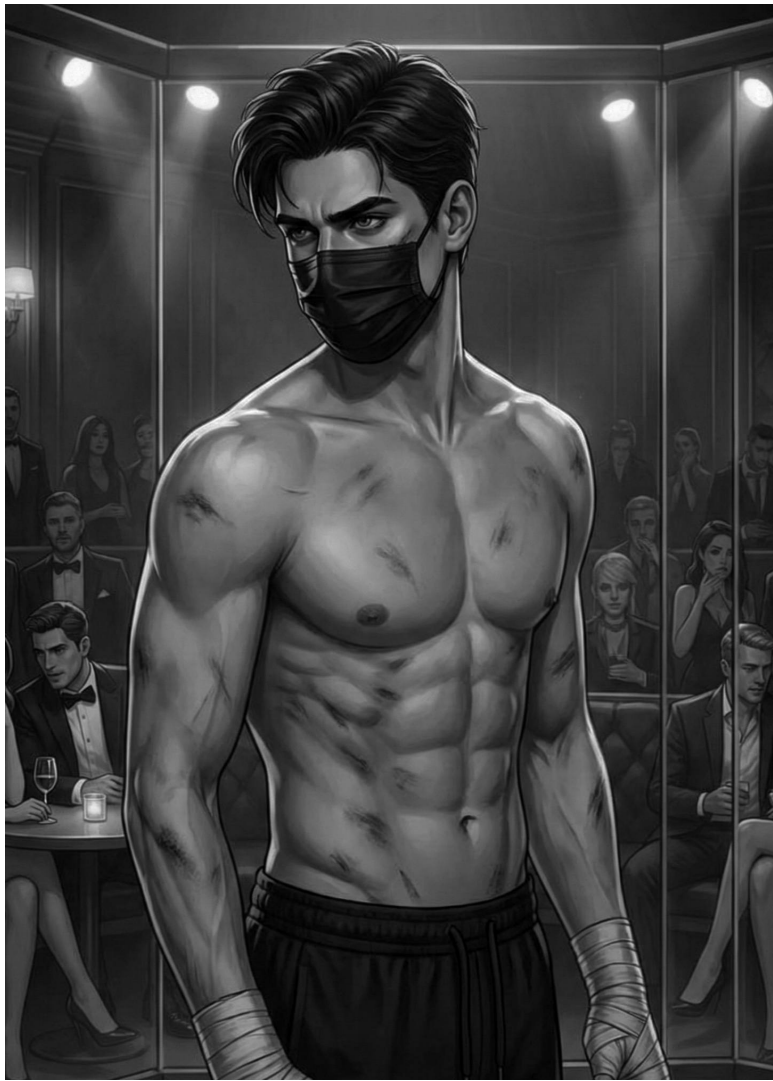
Решив ненадолго отойти на свежий воздух, я поднимаюсь, но мои ноги привариваются к полу, когда я слышу звук удара и очередной акт восторга публики.

Глаза мгновенно устремляются вперед. А именно — на парня с темными волосами в черной маске на нижней части лица. Его кисти плотно перемотаны бинтами. Сверху на нем нет футболки, а из одежды остались только спортивные штаны.

Мой взгляд скользит по его телу, замечая несколько длинных шрамов под его ребрами. Синяки и ссадины на поверхности кожи также не проходят мимо моих глаз. *Возможно, ему было очень больно...*

Зубы впиваются в нижнюю губу, сгрызая слой помады. Пальцы перебирают ремешок сумочки, желая перенести концентрацию на действие, а не наблюдение.

В одну секунду что-то меняется — то ли потому, что я — единственная, кто одет так ярко, то ли по еще какой-то непонятной причине — и этот парень поворачивает голову в сторону зала, плавно сканирует его и устремляет глаза на меня.

Это уже не смешно... Совсем не смешно.

Мы смотрим друг на друга всего каких-то несколько секунд, но этого достаточно, чтобы по моим внутренностям прошелся кипяток, ошпаривающий все до состояния неукротимого жара.

— Мисс, присядьте пожалуйста. Мне ничего не видно.

Голос позади вынуждает меня отвлечься, и когда я поворачиваюсь обратно, он больше не смотрит на меня, полностью концентрируясь на другом — массивном мужчине с татуировкой черепа на полгруды.

Встреча кулака с челюстью парня в маске заставляет меня упасть на свое место. Я замираю. Ногти царапают бедро через ткань платья.

Этот парень ничего не делает — он просто отшатывается и принимает каждый удар.

Лицо. Плечи. Грудь. Ребра. Ноги.

Почему он ничего не делает?

От удара ногой в живот он падает на колени, а я чувствую вкус крови во рту. *Так сильно прикусила губу?*

Волна омытого безумием восторга заполняет каждый дюйм пространства. Татуированный мужчина поднимает ногу, делая попытку врезать ему по лицу стопой, но парень в маске хватается его за лодыжку и с резкостью выкручивает ее, заставляя его упасть на стеклянный пол.

Он встает, кистью вытирает кровь на виске и подходит к

тому, кто лежит на полу. Останавливается рядом. *Выжидает?*

А дальше... исключительно жестокость в самом ужасающем ее проявлении.

Мои зрачки сразу фокусируются на его отточенных движениях. Все остальное кажется мутным.

Мышцы спины и рук, натянутые сухожилия на шее, пот, его концентрированное дыхание — вызывают странное напряжение внутри меня.

Удар.

Моя грудь резко вздымается.

Бедра сжимаются.

Низ живота наливается тяжестью.

Я что, возбуждаюсь от этого? Что за чертовщина?

Еще один.

Дыхание замедляется.

Тело покрывается мелкой дрожью.

Вдох. Выдох.

И тишина вокруг.

Только гулкий сердечный ритм заполняет мой слух. И в этот момент его взгляд снова ловит мой. *Или мне это мерещится?*

— Мэделин, все нормально? Ты выглядишь слишком... красной, — шепчет Билли, и я резко поворачиваюсь влево, удивленная тем, что он пришел, а я даже не заметила этого...

— Надо было надеть черное платье, — выпаливаю я не

своим голосом.

— Я о твоём лице. Тебе не плохо?

— Здесь просто очень душно, — говорю первое, что приходит на ум, и жестом руки обдуваю своё лицо.

— Ты какая-то загадочная.

— Просто засмотрелась, — улыбаюсь я. — Я отойду в уборную.

— Тебя провести?

— Нет, сиди. Я найду сама.

Я поднимаюсь на ноги и, крепко держа в руке сумочку, вылетаю из зала. Мне так жарко, будто мне внутривенно ввели препарат, вызывающий ощущение сильного тепла.

Голова кружится — вокруг все плывет. Сердце стучит на повышенных частотах, заполняя слух болезненным стуком.

Мне нужен чистый воздух.

Мне нужна холодная вода.

Мне нужен лунный свет.

Не понимая, кто я, где я и что я, я придерживаюсь за стену и добираюсь до какой-то двери, надеясь, что она приведет меня к выходу. Но, открыв ее, я попадаю в какое-то помещение.

Передо мной — кожаное кресло, зеркало на полстены, заставленный чем-то стол, закрытые шкафчики и сложенные в стопку белые полотенца.

Плевать, мне необходимо перевести дыхание.

Бросаю сумочку, стягиваю с себя туфли и босиком плетусь

до кресла, ощущая под стопами прохладу кафельного пола, пробирающую до костей. Подтянув платье до самых бедер, забираюсь с ногами на мягкую обивку и, наконец, позволяю себе выдохнуть.

Взгляд цепляется за стену — кондиционер. Ищу пульт — он лежит на столике среди всякой атрибутики. Тянусь к нему и включаю на самую низкую температуру.

Сейчас мне станет лучше. Сейчас мне полегчает.

Скорее всего, меня охватила паника от осознания того, что я нахожусь почти под землей. И то, что со мной сейчас происходит, — естественная реакция моего организма.

Прикрываю глаза и стараюсь выровнять дыхание. Голова покоем на спинке кресла, руки лежат на бедрах.

— Очередная случайная встреча, да?

Грубый мужской голос проникает в сознание, заставляя меня поежиться.

Я резко опускаю голову, устремляя взгляд перед собой. *Я ведь не употребляла ничего галлюциногенного, так почему я вижу его?*

Тот парень, который вызвал у меня сейчас неоднозначные эмоции, и тот парень, который сделал то же самое в наши предыдущие несколько встреч, — один и тот же человек.

Я ведь с самого начала догадывалась об этом, но отчаянно блокировала эту мысль, чтобы не травмировать мозг лишними домыслами.

— Наверное... — приглушенно отвечаю я.

Я рассматриваю его — нет, я нагло пялюсь на него.

Мышцы его живота сокращаются от каждого глотка воздуха, демонстрируя моему взору всю упругость и натренированность. Ладони, обтянутые уже грязно-красными бинтами, напряженно сжаты в кулаки. Грудная клетка блестит от выделяемого пота.

Лицо... окровавленное лицо, на котором уже нет черной маски.

Кровь. Кровь. Кровь.

В голове резко начинается шум, будто кто-то выкрутил громкость до предела. Картинка перед глазами рябит, плывет, и я прижимаю пальцы к вискам, желая избавиться от этих неприятных ощущений.

— Что ты делаешь здесь? — спрашивает он, не сдвигаясь с места.

— Искала место, где смогу побыть одна, — шепчу я, стараясь вернуть себе контроль над мыслями и телом. — Но, видимо, не нашла.

Вот теперь мне нужно уходить.

Я ставлю одну ногу на пол, следом вторую и, опершись руками о кресло, с трудом поднимаюсь.

Этих пяти минут было недостаточно, чтобы прийти в себя. Голова по-прежнему соткана из ваты.

Он слишком быстро оказывается напротив меня. Его взгляд концентрируется на моем лице, а мой — на виске, затем скользит к губам.

— У тебя кровь, — нахмурившись, произношу бредовую реплику, будто он не чувствует этого. — Я могу тебе чем-то помочь?

Он молчит. Взгляд ровный, почти равнодушный.

Покачав головой, будто это поможет мне прийти в себя, я смотрю на стол и, заметив одноразовые салфетки, вытягиваю сразу несколько штук.

Делаю шаг к нему и поднимаю руку к его лицу, собираясь приложить материал к ране, но он слишком резко хватает меня за запястье. Встречаюсь с ним взглядом — он склоняет голову набок и безразлично смотрит в мои глаза.

— Что ты здесь делаешь? — холодно спрашивает он.

— Я... я ведь ответила тебе, — сглотнув, отвечаю я. — Я хотела побыть одна.

— Нет, — качает головой. — Что ты забыла в этом месте?

— Меня пригласили.

— Кто?

— Это допрос?! — вспыхиваю я, пытаюсь вырваться. — По-моему, тебя не должно волновать это.

— По-моему, ты боялась меня? Что-то изменилось? Где прежний страх? Где трясущиеся руки? — атакует меня вопросами, выбивая почву из-под ног. — Почему ты предлагаешь мне помощь, учитывая, что ты видела, что я делаю?

— Чувство сострадания, слышал о таком? Судя по тому, как ты со мной говоришь сейчас, — вряд ли, — шиплю в ответ, дергая рукой. — Отпусти меня, и я пойду, чтобы не мешать тебе истекать кровью и задыхаться от нехватки витамина человечности.

Я поднимаю вторую руку и, обхватив его пальцы, разнимаю их, освобождая себя. Бросаю ему салфетки и скидываю подбородок:

— Удачи, бесчувственный кусок камня.

Я обхожу его, наклоняюсь, чтобы надеть туфли и взять сумочку, но стопорюсь, когда слышу приглушенное:

— Как тебя зовут?

О, да неужели... Спусти столько времени ты решил по-

интересоваться?

— Мэделин Эмбер Хэйл, — отвечаю я, стоя к нему спиной.

— Помоги мне, Мэделин Эмбер Хэйл, — шепчет он, и от такой тональности голоса по плечам, груди и тому, что бьется под ней, пузырится подоженный пчелиный воск.

Я поворачиваюсь, смотрю на него, пытаюсь найти в его чертах лживый подтекст, но не вижу... до тех пор, пока он не заканчивает свое предложение:

— Избавь меня от своего присутствия.

— Как раз этим и занимаюсь, — наигранно улыбнувшись, я торопливо натягиваю туфли и, схватив сумку, собираюсь уйти. Но дверь открывает кто-то, кто сходу начинает хвалить моего соседа за недоубийство:

— Докс, сегодня ты был в ударе! Хорошо, что... Оу, я помешал? — прерывается он, когда видит меня. — Добрый вечер.

— Всего хорошего, — отвечаю я, проходя мимо.

Но это еще не конец. Меня добивают слова, которые я слышу, когда оказываюсь за дверью:

— Фанатка для быстрого перепихона?

— Можно и так сказать.

Потрясающе. Так меня еще не называли.

Этот парень... За один день, даже за несколько минут, он смог безвозвратно отформатировать мой страх к нему, заменив его на злость.

Быстрый перепихон?

Во-первых, он не похож на того, кто спит с каждой желающей.

Во-вторых, он не кажется тем, кто делает это быстро.

В-третьих, да кому он нужен?!

Но плюс в этом разговоре все же был — мне стало лучше. Голова уже не такая ватная, как была до этого, тело под контролем, настроение, правда, немного испорчено, но я быстро отойду.

Если не увижу его еще раз.

А чтобы этого точно не произошло, я решаю убрать нелепое «суеверие» со своей шеи и бросить его в сумку.

Когда глаза ловят мое запястье, на котором виднеются красные пятна от его прикосновения, меня слегка подташнивает. Достая влажные салфетки и тщательно оттираю чужую кровь с кожи. Закончив, поправляю волосы легким шуршанием пальцев и собираюсь вернуться обратно в зал, но замечаю Билли в коридоре.

— Мэдди, все хорошо? — спрашивает он, касаясь моего плеча.

— Да, искала уборную, а в итоге зашла в какую-то комнату и немного передохнула. Мы можем ехать домой?

— Еще ужин.

— Хорошо, — сдержанно киваю.

Билли подхватывает меня за локоть, и мы идем в противоположную сторону, где располагается та часть, в которой

я уже была. *Клуб? Отлично.*

За столом уже сидят несколько человек. Коротко поприветствовав их, я присаживаюсь, беру в руку бокал игристого и немного отпиваю.

— ...очень красивая, но такая молчаливая, — слышу концовку предложения, и только потому, что Билли стучит по моему запястью несколько раз, привлекая мое внимание.

Я поворачиваю голову и начинаю улыбаться, растягивать губы настолько сильно, чтобы показать, что мне безумно приятно это замечание.

— О, вот и тот, с кем я хотел вас познакомить. Этот парень сегодня показал настоящее шоу, — говорит мужчина за столом. — Докс, иди сюда.

Мэддокс...

Я не хочу, чтобы он видел меня. Я не хочу видеть его. Буду избегать даже его взгляда. Хотя... вряд ли он на меня посмотрит. Он ведь весь клиширован фразой «*держись от меня подальше*».

— Это не займет много времени.

И вот я замечаю боковым зрением движение, уже поднимая взгляд и смотрю на него...

На его лице снова та черная маска, на теле темная толстовка, на голове капюшон, а глаза направлены на меня. Тут же смещаю взор на индейку, облитую карамелью, и сжимаю пальцами ножку бокала, прежде чем поднять его к губам и снова насытить желудок градусом.

Они о чем-то говорят, смеются, кто-то перешептывается, пока я стараюсь изо всех сил не смотреть перед собой, уделяя свое внимание всему, что стоит на столе.

Билли отходит куда-то, объяснив, что нужно переговорить с некоторыми людьми, и сообщает, что скоро вернется. А я, в свою очередь, иду к бару — не хочу оставаться за одним столом с тем, кто считает, что я — вариант для «быстрого перепихона».

Оказавшись у бара, я заказываю себе банановый десерт и, дождавшись его, приступаю к поеданию.

— У кого-то сегодня очень хороший аппетит, — знакомый голос у уха вынуждает меня обернуться.

— Роджер? — удивленно смотрю на своего коллегу. — Ты что тут делаешь?

— Слежу за тобой, Мэдди, — смеется он. — Мой дядя, Купер, владелец всего этого. А я — очень плохой племянник, который опоздал.

— Оу, я не знала.

— Если бы ты согласилась пойти со мной на свидание — узнала бы. Но ты решила пойти с кем-то другим...

— Не начинай, пожалуйста, — произношу я, закатывая глаза. — Я здесь с братом.

— И где он?

— Где-то здесь, — говорю я, указывая на приличное количество гостей вокруг, и случайно натыкаюсь взглядом на того, кого предпочитала сегодня больше не видеть. И он сно-

ва смотрит в мою сторону. *Что с ним не так?!*

Хотя, может быть, он всего лишь занят рассматриванием алкоголя за барной стойкой, а я уже выжала мысли на максимум.

— Ты не хочешь уйти ненадолго? — предлагаю я, решив избавить себя от лишнего внимания. — А то я могу захотеть воспроизвести в реальности сцену с подвешиванием за ноги... — приглушенно добавляю я.

— Брат против не будет?

— Я пошла за пальто, — закатив глаза, я поднимаюсь со стула и направляюсь в сторону гардеробной.

Оказавшись на улице, я достаю из сумки телефон и собираюсь написать сообщение Билли, что буду неподалеку. Но меня отвлекает мощный звук битого стекла на входе. Поворачиваюсь и вижу разбитые осколки и какую-то жидкость под ногами Роджера.

— Ты совсем не в себе? — возмущается Роджер, толкая в плечо... *Мэддокса.*

— Извини. Случайность.

Мэддокс равнодушно проходит мимо него, подходит ко мне и хватает за плечо.

— Эй, ты что творишь?! — спрашиваю я, расширяя глаза и дергая рукой.

— Ничего, — коротко произносит он, уверенно уводя меня куда-то в сторону. Но я останавливаюсь. — Ты просто уходишь отсюда.

— Чего? — удивленно смотрю на него.

— Мэдди, все в порядке? — спрашивает Роджер, подходя ближе.

Смотрю на Мэддокса, потом на Роджера, совсем не понимая, в какую ситуацию я попала только что.

— Да, — киваю я. — Дай мне две минуты.

— Вы знакомы? — уточняет Роджер.

— Немного. Иди, Роджер, — говорю я ему, кивая в сторону, и он отлучается, бросив напоследок на меня взгляд. — Тебе еще не надоело? — обращаюсь к Мэддоксу. — Ты ведь просил держаться подальше, но тогда какого черта ты подходишь ко мне? У тебя какие-то проблемы?

— Тебе нужно уехать отсюда, — коротко выдает он.

— Что? Это еще почему?

— Просто нужно уехать.

— А тебе нужно просто отстать от меня, Мэддокс. Ты ведь сам этого хотел. Так в чем дело? — спрашиваю я, хмурясь от его странного поведения. — Я никуда не поеду. Я здесь не одна, а с братом.

— Хм. — Он разочарованно поджимает губы и отпускает мою руку, будто ему в моменте стало противно ко мне прикасаться.

А затем он просто натягивает на лицо маску, поправляет капюшон и отворачивается, демонстрируя холод сильнее того, что сейчас охватывает Нью-Йорк.

— *Удачи*, Мэделин Эмбер Хэйл, — повторяет то же, что

я ему сказала ранее, и отдаляется.

Какой же он странный...

— Кто это был? — спрашивает Билли, заставляя меня вздрогнуть от неожиданности. Поворачиваюсь к нему и вижу, как он убирает телефон в карман. — Что он от тебя хотел?

— Парень, который дрался здесь. Ты же видел его, — отвечаю я, слегка нахмурившись. — Можно я сегодня останусь у тебя?

— Вообще-то, я и не собирался везти тебя обратно в твой птичий дом, — говорит Билли, прижимая меня к себе одной рукой.

— Перестань называть мой дом птичьим! — восклицаю я, ударяя его по предплечью.

Сегодняшний день — сплошное удивление.

И если он закончится очередной встречей с Мэддоксом — я сойду с ума.

Поэтому лучшее решение — дать себе перерыв и поспать в шикарнейшей комнате на удобной кровати.

*ожившую сцену в раздевалке можно найти в закрепленных сообщениях в тгк автора (@netta_hyde) под названием «Глава 7»

Глава 8

МЭДЕЛИН ХЭЙЛ

Выиграть миллион долларов или попасть в нелепую ситуацию?

О, конечно же второй вариант...

Гениальное решение — выпить пиво под мюзикл «Ла-ла-ленд»¹² — закончилось совсем не гениально.

Ненавижу Билли за то, что он поддерживает мои идиотские идеи. *А еще больше — за то, что он подкидывает мне*

¹² «Ла-Ла Ленд» — американский музыкальный романтический комедийно-драматический фильм 2016 года, снятый режиссером Дэмьеном Шазеллом с Райаном Гослингом и Эммой Стоун в главных ролях.

свои.

Собрать компанию из десяти человек, среди которых один парень будет настойчиво демонстрировать мне знаки внимания, — звучит как идеально спланированная катастрофа.

Надеюсь, эта катастрофа закончилась до взрыва... и мне не придется перед кем-то извиняться, переезжать в другую страну или временно игнорировать все соцсети.

Вчерашняя ночь вспоминается обрывками: слишком громкая музыка, чьи-то восторженные крики, кухня, на которой почему-то постоянно кто-то сидел, и парень с темными волосами, который весь вечер крутился рядом и смотрел на меня так, будто мы уже слишком хорошо знакомы.

Кажется, он много смеялся. Или это смеялась я. Или вообще все вокруг.

Теперь за это желание «расслабиться» расплачивается каждый дюйм моего тела. Мышцы ноют так, будто ночью я не отдыхала, а участвовала в марафоне, потом в драке, а потом еще зачем-то полезла танцевать на стол.

Возможно, последнее даже не совсем шутка.

С трудом переворачиваюсь на спину и тут же морщусь от телефонного звонка, который звучит так, будто кто-то решил устроить репетицию апокалипсиса прямо у меня под ухом.

Телефон обнаруживается на другом конце кровати. После короткой, но унижительной борьбы с одеялом и собственной координацией я все-таки дотягиваюсь до него и принимаю вызов.

— Если ты сейчас же не откроешь мне дверь, я завалюсь к твоему соседу и буду громко стонать, пока ты не появишься с жалобой на шум, — громко говорит Пенни, вынуждая меня отдернуть телефон от уха.

— И тебе доброе утро, моя любимая подруженька.

— Вообще-то, уже полдень.

Я смотрю на устройство, удивляясь тому, что на часах уже двенадцать. *Так долго я давно не спала...*

— Ты где?! Я стучу ногой в дверь твоей квартиры уже битые... три минуты.

Я медленно сажусь на кровать, пытаюсь не делать резких движений. Мое тело сейчас ощущается как старая небезопасная конструкция, которая может развалиться от любого неверного поворота.

— Я у твоего бывшего, — произношу я, зевая.

— Я сейчас заблокирую твой номер навсегда, Мэд. Я же тебе говорила, что заеду за тобой на выходных. Мы кое-куда собирались.

— Дай мне двадцать минут, — прошу я, направляясь на кухню.

Подойдя к столу, мои пальцы находят на поверхности записку, написанную кривым почерком: стиль Билли Майерса — он не во всем идеален...

На ней написано, что он уехал в командировку на несколько дней.

Не завидую людям, которые сегодня будут с ним контак-

тировать, и не завидую его голове, которой придется очень много думать. *Я, вот, вообще не планирую напрягать сегодня свой мозг.*

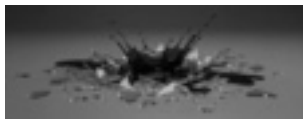
— Через час. У меня сейчас клиент. — В телефоне раздается звук фена.

— Ты же сказала, что ты у меня?

— А как я должна была заставить твою задницу встать с кровати? — смеется она. — Ты в два ночи позвонила мне, признавалась в любви мне и моим рыбкам, потом сказала что-то вроде того, что сильно обижена на одного парня, и об этом ты мне потом расскажешь, — она делает паузу. — А после пролепетала что-то невнятное с намеком на просьбу разбудить тебя любым способом, если ты не выйдешь на связь в первой половине дня.

— Ты гениальна, — шепчу я, открывая верхний ящик и доставая аптечку. — Все, давай. Люблю тебя и твою находчивость.

Отключив вызов, я достаю спасительную таблетку для моей напичканной осколками боли головы, бросаю ее в стакан с водой и, дождавшись, когда она раствориться, выпиваю. *Очень надеюсь, что она сработает.*

Стоя у торгового центра, я переступаю с ноги на ногу и пытаюсь согреть свои ладони, потирая их друг о друга.

Прошел час, а Пенни до сих пор не появилась, и ее трехминутное голосовое сообщение со словами «прости-прости-прости» на повторе — меня вообще не утешает.

Конец октября, а кажется, что уже перевалило за декабрь — холодно так, что мерзнет все — даже уши, спрятанные под шарфом.

— Если ты сейчас же не придешь, я потеряю твой контакт до конца этого года, — отправляю голосовое сообщение и тут же слышу уведомление позади себя.

Поворачиваюсь и собираюсь нанести удар по голове Пенни, но она растягивает губы в извиняющейся улыбке и дает мне в руки стакан с чем-то горячим, растапливая мою злость.

— Выглядишь так, будто за ночь успела смотаться в Вегас, испробовать все алкогольные напитки в каком-то баре и уснуть под знаком «стоп», — произносит она, скорчив гримасу сожаления *или* *брезгливости*.

— Почти так все и было, Пенни, — шучу я и, прикрыв глаза, делаю глоток американо. — Куда идем?

— Ну-у-у, у тебя вроде бы через неделю день рождения, да? — спрашивает она, подхватывая меня под локоть.

Войдя в торговый центр, Пенни сразу сворачивает направо и торопливо куда-то ведет меня.

— Продолжай.

— Так вот... меня не будет, ты ведь помнишь? — уточня-

ет она, поправляя шарф.

— Помню...

— И-и-и, в общем, — произносит она, останавливаясь.

— Пенни, — говорю я, бросая взгляд за ее спину. — Давай отойдем?

Она оборачивается назад, потом смотрит на меня, и я уверена, что мое лицо выражает недоумение от вида ее довольной улыбки.

— Я хочу сделать тебе приятное до моего отъезда. — Пенни игнорирует меня и протягивает к моему лицу плоскую коробочку, перетянутую голубой лентой. — Открывай прямо здесь и прямо сейчас.

Я выполняю ее просьбу: развязываю бант, снимаю его с коробки и открываю ее. Пробегаю глазами по надписи внутри и медленно поднимаю на Пенни взгляд, в котором ясно читается: *«Ты сейчас серьезно?»*

— Я, похоже, все еще сплю под знаком «стоп» где-то в Вегасе, раз отчетливо вижу в своих руках сертификат в секс-шоп...

— Не спишь, — Пенни отрицательно качает головой. — Это мой подарок тебе. Твои проблемы с настроением и, возможно, со сном можно легко вылечить, если ты потешишь свое либидо хорошеньким оргазмом. И так как на реальный секс ты все еще не настроена, то... пусть тебя удовлетворит *кто-то* резиновый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.